

The illustration depicts a street scene in a city with a warm, orange-hued sky. In the foreground, a man in a black hooded robe with a Star of David pendant and a woman in a blue headscarf with a crescent moon pendant stand facing each other. In the background, three men in dark clothing stand near a large, ornate building with a dome. The overall style is painterly and dramatic.

**ГАМИД
АМИРОВ**

**СЕРДЦЕ
ПОПОЛАМ**

Гамид Амиров

Сердце пополам

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 82-31
ББК 84 (4Рос)

Амиров Г.

Сердце пополам / Г. Амиров — «РИПОЛ Классик», 2019

ISBN 978-5-44-910197-6

Преданность и предательство, любовь и ненависть, разум и глупость понятия вечные, основа отношений между людьми во все времена. Лихие, страшные, бесшабашные годы в России 90-х не исключение. Казалось бы, что может связывать начитанного, эрудированного молодого еврея, и компанию московских студентов-кавказцев, отличающихся буйным нравом и пристрастием к постоянным конфликтам. Что общего может быть между юной красавицей, воспитанной в мусульманских традициях, и аферистом, постоянно рискующим жизнью? Как, будучи молодым, не наделать глобальных ошибок, взрослея в это жестокое время безумного мира? И есть ли надежда исправить то сотворенное по неопытности и самонадеянности, что на первый взгляд не подлежит реставрации?

УДК 82-31
ББК 84 (4Рос)

ISBN 978-5-44-910197-6

© Амиров Г., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1	7
ЧАСТЬ 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Гамид Амиров

Сердце пополам

Дорогой читатель!

Эта книга написана о том страшном времени, когда люди жили по жестоким законам. Когда-то подростки мечтали стать космонавтами, потом банкирами, бизнесменами, но не стоит забывать и про те годы, когда студенты хотели стать бандитами. И самое ужасное то, что действительно становились преступниками, не осознавая всей жестокости последствий своих дел.

Все персонажи являются вымышленными, любые совпадения случайны.

ПРОЛОГ

В девять утра в автобус Москва – Махачкала вошел парень лет двадцати в спортивном костюме, пуховике и в кроссовках. Свою большую клетчатую сумку он положил среди кучи другого багажа, уселся на сиденье рядом с парнем в куртке «Россия», какие носили спортсмены, достал из толстой папки чистый лист и начал что-то писать. Он не был похож на кавказца, но в толпе дагестанцев, которые в большинстве своем были светлыми, вполне мог сойти за своего.

В то время можно было ездить на автобусах по городам России без всяких броней, билетов и регистраций. Заплати водителю – и езжай куда хочешь. Так катались в основном спекулянты с вещевых рынков и студенты, не имеющие денег на авиабилет.

Сосед его спал, видимо, поэтому парень и сел с ним рядом – не хотел, чтобы кто-то докучал ему разговорами. Он писал то, о чем ни в коем случае не хотел забыть, о чем не мог никому рассказать, но поделиться с кем-то ему было необходимо. Поэтому он и выбрал бумагу – она не проболтается. А через десятилетия он даст прочитать это своим детям.

Ему хотелось написать об этом страшном времени, которое наверняка скоро закончится, и тогда двадцатилетние студенты снова будут, как и раньше, юнцами, которые идут в институты для того, чтобы учиться, и не представляют себе, что существует какой-то другой мир. Тот мир, где правят неписанные законы, где недавние школьники ходят с оружием и ищут способы заработать денег любыми путями.

Автобус сильным рывком тронулся с места. Сосед проснулся и протянул ему руку:

– Салам алейкум!

Парень посмотрел на улыбающегося соседа, это был спортсмен лет двадцати трех с модной дагестанской прической, закрывающей поломанные уши, пожал руку и ответил:

– Ва-алейкум салам!

– Че, братуха? Курсовую пишешь, наверное?

– Да. Чем сидеть без дела, решил написать курсовую!

Сосед, так же улыбаясь, важно сказал:

– Мурад меня зовут! Может, слыхал, Магомедов фамилия. Чемпионом России стал по вольной! Вот домой еду теперь! А тебя как звать? Спортсмен ты?

– Меня Гамид зовут! Нет, я... когда-то гимнастикой занимался, но в целом... не спортсмен.

– Гимнастикой?! – борец ухмыльнулся. – Фамилия как твоя? Гимнастов мало у нас... может, я слыхал где...

– Амиров, но ты про меня вряд ли слышал... я в Воронеже жил... в Дагестан не так часто ездил...

ЧАСТЬ 1

Москва в 1997 году праздновала юбилей. За восемь с половиной столетий чего только не повидал этот город, кто только не жил здесь! Многие считали себя коренными обитателями этого мегаполиса, но большинство из них были приезжими искателями счастья со всех концов огромной страны. Кто-то приехал в поисках легких денег, кто-то – работы, а кто-то – славы...

Гриша Амелин приехал в Москву учиться. В 1995 году он поступил в Воронежский государственный университет на экономический факультет, и все бы ничего, если бы не печальная любовная история.

На первом курсе, в марте, Гриша познакомился с девушкой из параллельной группы – Катей, симпатичной кареглазой шатенкой. Когда они первый раз встретились в кафе рядом с институтом, Катя была с подругой, а Гриша – с лучшим другом Антоном, с ним он проучился в одном классе три последних года, вместе они поступили в институт на одну специальность. Ребята пригласили девушек на дискотеку, ну а дальше пошло-поехало.

Антон с подругой общего языка не нашли, а Гриша с Катей продолжили отношения, которые переросли в так называемую любовь. Встречались, гуляли, ходили в кафе, на дискотеки. Отношения приобретали все более серьезный характер. Для Гриши. Кате, как оказалось, нужно было не это, и через полгода она его бросила. Призналась, что ее сердце принадлежит другому. И не кому-нибудь, а Антону. Друг принял такой подарок судьбы, не видя в этом ничего зазорного. А вот Гриша понять этих двоих не мог. И называть Антона после этого другом тоже не получалось.

Последний семестр второго курса для Гриши превратился в пытку. С Антоном и Катей он не общался, но постоянно видел их вместе. Они ходили, держась за руки, и всю веселились. Антон был из богатой семьи, чем, собственно, и покориł «сердце» Кати. Гриша отстранился от друзей и знакомых, полностью ушел в учебу. Это было первое большое его разочарование в людях. Мужская дружба оказалось ложью, женская любовь – фальшивкой. Как в книгах с несчастливym концом.

Поразмыслив над всем этим, Гриша понял, что из вуза надо уходить. Но куда? В Воронеже это лучший институт. Тогда ему в голову пришла идея перевестись в Москву. Парень уже давно мечтал о том, что когда-нибудь будет жить в столице, но раньше это были просто грезы, теперь же он решил приложить все усилия, чтобы вырваться из провинции и забыть и Катю, и Антона, и эту боль.

В Воронеже Гриша учился на бюджетной основе, перейти на тех же условиях в столицу было сложно, а платить деньги за обучение было не по карману. Он имел неплохие спортивные результаты в легкой атлетике, что было большим плюсом. Но все-таки его перевели в Москву благодаря маме, которая работала главным врачом военного госпиталя и имела неплохие связи в городе.

Мама Гриши была доброй женщиной. В двадцать она вышла замуж по любви, родила двоих сыновей с разницей в пять лет, при этом упорно продолжала учиться в медицинском институте, потом работала в госпитале. Когда старшему, Грише, исполнилось четырнадцать, а младший, Сашка, пошел в третий класс, Анастасия уже была заместителем главного врача. Как раз тогда ее муж и ушел к другой женщине. Анастасия решила не страдать – любовь давно прошла, а вечно пропадающий где-то муж только создавал лишние проблемы. Он работал строителем и часто уезжал на объекты в соседние города, не появляясь дома месяцами.

Через пару лет главврач ушел на пенсию, и эту должность заняла Анастасия Владимировна. Зарплата увеличилась ненамного, зато ее стали засыпать подарками, часто предлагали взятки, и женщина смогла обеспечить сыновьям нормальную жизнь. Бывший муж ее переехал

жить в Волгоград. В Воронеж он приезжал в лучшем случае раз в год, чтобы увидеть сыновей и подкинуть им немного денег, хотя, в принципе, они в этом не нуждались.

В июле 1997 года из Москвы пришло письмо – Григория Амелина пригласили в экономический институт, парня зачислили на третий курс по специальности «Управление финансовыми рисками». Мать переживала за сына, но понимала, что пусть он лучше обеспечит себе хорошее будущее в столице, чем будет прозябать в Воронеже. К тому же в Москве у Анастасии Владимировны жила сестра, в случае чего она всегда могла помочь. Гриша был разумным и самостоятельным, старался маму не огорчать по пустякам. Он заверил ее, что будет хорошо учиться и домой писать будет почаще. И вот 31 августа, попрощавшись с матерью и младшим братом, Амелин, полный надежд, поехал покорять столицу.

Через десять часов он уже выходил из московского метро. На небольшой площади, по краю которой буквой П стояли магазинчики, кафешки и ларьки «Шаурма», толпились люди в ожидании маршрутных такси и автобусов, отправляющихся в областные города и поселки. Народу на пяточке было много, все куда-то спешили. Прямо возле выхода из метро бабушки продавали сигареты. Зазывалы предлагали заглянуть в новый универмаг. Влюбленные целовались на скамейке. А уличные музыканты добавляли ритма и шума этой суете. Гриша никогда не видел столь разношерстную публику в одном месте, а разнообразие национальностей было просто колоссальным. Но тогда он и разобрать не мог, кто это все такие, Грише они казались просто толпой москвичей. Вьетнамцы, азербайджанцы или молдаване – неважно, все они – жители большого города.

Гриша имел чисто славянскую внешность, поэтому не выделялся в этой толпе. Ростом около 180 см, светло-русые чуть волнистые зачесанные на бок волосы, прямой нос и ярко-зеленые выразительные глаза делали его довольно привлекательным.

До института от метро нужно было идти минут пять. Дорога шла по центру, слева стояло пятиэтажное здание серого цвета, справа величественно возвышалось двенадцатиэтажное общежитие. Здание института соединялось с общежитием переходом, образуя арку, под которой продолжалась пешеходная дорожка. Пройдя под аркой, Гриша вышел к входу в другой корпус института, перед которым раскинулась небольшая площадь. Справа – большая автостоянка, слева – еще один небольшой учебный корпус. Все здания институтского комплекса, выстроенные из серо-зеленого камня в едином стиле, соединялись стеклянными переходами на уровне третьего этажа. Территория института была огорожена решетчатым забором, но открытые ворота были и справа и слева.

Письмо Гриша помнил наизусть, ему нужен был поточный корпус, кабинет приемной комиссии. Перебросив спортивную сумку на правое плечо, парень двинулся прямо туда. Он быстро оформил все бумаги, сходил в прилегающий к зданию банк, чтобы оплатить первый месяц проживания в общежитии, и получил ключ от своей комнаты. На номерке был выбит номер 1109.

Общежитие было чистое. Внутри – как будто 70-е годы, все стандартно и по-советски. Комендантская на входе, где выдавали ключи. Четыре лифта. На каждом этаже кухня, три электроплиты. Некоторые комнаты были оборудованы санузелом и душевой, а где-то эти блага цивилизации делили соседи, жившие в блоке из двух или трех комнат. Это было смешанное общежитие, но селили, естественно, всех по половому признаку. Женские и мужские комнаты ничем не отличались, да и чем было отличаться, если из мебели везде были только стулья, стол и кровати. В общежитии жили и аспиранты, которые успели обзавестись семьей. Но занимали они буквально четыре-пять комнат на втором этаже. Комендантом общежития была женщина, которая не брезговала никакими способами заработка и без официальных документов сдавала несколько пустующих комнат совершенно посторонним людям, которые не могли себе позволить снять квартиру.

Дверь комнаты была открыта, Гриша зашел внутрь и увидел двух темноволосых парней. Один сидел на кровати возле окна, другой устроился на стуле спиной к двери, между ними на табурете лежали нарды. Тот, что сидел спиной, был в синей футболке «Адидас», синих спортивных штанах той же фирмы и белых кроссовках. На кровати сидел парень лет двадцати, чем-то похожий на Сильвестра Сталлоне. Из одежды на нем были только шорты и тапочки, на груди через густой волосяной покров поблескивал огромный золотой крест на цепочке.

В комнате было две кровати. В углу, плотно прижатые друг к другу, стояли две тумбочки, на них возвышалась картонная коробка с надписью «Ararat». Слева у стены стоял стол, над ним висела полка с книгами. Дальше белели дверцы шкафа для одежды. Справа была дверь в туалет. Обои в комнате успели пожелтеть от времени, потолок был беленый, лампочка без абажура горела тусклым светом. «Не отель, но жить можно», – вздохнул Гриша.

Тот, что сидел спиной, услышал скрип двери и обернулся. Он был чем-то похож на своего соперника по нардам, но черты лица его были немного мельче, и на щеках виднелась щетина.

Гриша посмотрел в глаза тому, что сидел на кровати, и смело сказал:

– Здравствуй, пацаны!

– Здравствуй, дорогой! Тут жить будешь? – спросил тот, что в шортах.

– Да.

– Меня Арсен зовут, – протягивая руку, сказал парень.

– Гриша.

– Вартан. Откуда ты, брат? – крепко пожимая руку, спросил кавказец.

– Воронеж. А вы?

– Я из Еревана, а Вартан – армянский москвич! – смеясь, ответил Арсен.

Вартан ухмыльнулся. Гриша учтиво улыбнулся, примерно понимая смысл шутки.

– Заходи, садись, ахпер¹, вот твоя кровать, сейчас в шкафу полки тебе покажу.

Арсен был довольно дружелюбен и учтив, Вартан – чуть со спесью, но видно было, что тоже неконфликтный парень.

Гриша разместился, сложил вещи, болтая с ребятами. Из беседы с новыми знакомыми он узнал, что Арсен, его сосед по комнате, учится на четвертом курсе на «Мировой экономике», а Вартан – на третьем курсе на той же специальности и уже пять лет живет с родителями в Москве. Родом оба они из Еревана и, судя по всему, были частью большой компании друзей-земляков. Говорили по-русски вроде грамотно, но с явно выраженным акцентом, из-за чего чуть гнусавили. Между собой же постоянно перекидывались фразами на своем. Амелин раньше в Воронеже встречал армян, но как-то особо не придавал значения национальности. Его это абсолютно не трогало.

Гриша обещал заехать в гости к тетке, старшей маминой сестре, но в тот день так сильно устал, что сил никуда ехать не было, да и дело шло к ночи. Выпив со своими первыми московскими знакомыми чаю и поболтав немного об учебе, он дождался, когда Вартан ушел, и лег спать.

Будильник прозвенел в 7:30. Открыв глаза, Гриша увидел, что Арсен в черных брюках и белоснежной рубашке сидит на кровати и чистит губкой остроносые лаковые туфли. Волосы у него были зачесаны назад и блестели от геля.

– Доброе утро, Гриша-джан!² Выспался?

– Привет! Да, вроде.

– Собирайся, брат, кофе пей, чайник на столе. Я пойду уже. В институте увидимся.

– Спасибо. Да, встретимся там.

¹ Ахпер – брат (армянский язык).

² Джан – ласковое обращение к близкому, которое переводится с армянского языка как «сердце», «душа», «жизнь».

Гриша встал и начал быстро одеваться. Ему всегда хватало пятнадцати минут, чтобы собраться. На ходу хлебнув кофе без сахара, он закрыл дверь и выбежал в коридор. Лекции начинались в 8:00.

Пройдя в лифтовой холл с огромным окном, из которого виднелись вход в институт и большая часть территории, он обомлел от того, сколько студентов было на улице перед входом в основное здание и рядом с общежитием. Вот оно, то, о чем он мечтал. Бурная жизнь большого города.

Прослушав три лекции со своей новой группой, Гриша успел оценить положение вещей и пообщаться с некоторыми одnogруппниками. В группе было двадцать шесть человек, на парах же присутствовали лишь пятнадцать, одиннадцать из них были девочки. Гриша познакомился с голубоглазым спокойным ростовчанином по имени Андрей, который тоже жил в общежитии, и с маленького роста рыжим Максимом, видно было, что он так называемый активист группы, который в курсе всех событий вокруг. Максим был не особо приятный собеседник, потому что постоянно болтал и задавал кучу вопросов: «Зачем приехал в Москву?» или «Много ли у родителей денег?» и тому подобных. Одним словом, интересовался тем, что его не касалось.

От Максима Гриша узнал, что в переходе между корпусами есть кафе, столовая и бар. Бар находился на каком-то балконе, и туда, по словам Максима, ходили, точнее, сидели там весь день, одни бездельники. Он посоветовал Грише вообще туда не заглядывать. Одnogруппник также рассказал о ценах на экзамены. Стоимость хороших оценок на предметы различалась, и надо было знать нужных людей со связями. Гришу это все абсолютно не интересовало, ведь он приехал с целью выучиться и пустить в столице корни. У него и в Воронеже друзей было немного – он предпочитал компанию хороших книг, от которых, по его мнению, пользы в жизни было больше. Максим так утомил его своими разговорами, что после третьей пары Гриша быстрым шагом пошел по направлению к переходу, где располагалось кафе. Он проголодался так, что готов был съесть слона.

Гриша прошел через стеклянный переход, ведущий из поточного корпуса, и оказался в огромном зале. Окна здесь были от пола до потолка, а посередине начиналась лестница, которая вела вниз, в обычную студенческую столовую с дешевыми ценами и алюминиевыми вилками. Вдоль стен там стояли железные стулья, скрепленные между собой по пятнадцать штук. Три ряда столиков со стульями на четверых тянулись до дальней стены. Слева было два прилавка, с одного продавали чай, кофе, бутерброды, пиццу, жульены и другие мелкие закуски, с другого – шаурму. Над прилавками был балкон, лестница с которого спускалась на середину этого импровизированного «ресторана». На балконе тоже было какое-то кафе столов на десять. Снизу было видно, что там открыто играют в карты и курят сигареты. Потолок там был очень высокий, поэтому дыма и запаха сигарет не чувствовалось.

Гриша посмотрел на балкон. Он не собирался туда, но что-то внутри ему подсказывало, что рано или поздно он там окажется. Вообще, какой-то внутренний голос постоянно вел Гришу куда-то, и чувство, что что-то важное должно с ним произойти, не покидало провинциального парня ни на секунду.

Отбросив эти мысли, Гриша направился к прилавку. Все деньги он взял с собой, потому что боялся оставлять их в общежитии. У него было триста долларов и несколько сотен рублей. Парень собирался поехать к тете и оставить доллары у нее на хранение.

Он уже доедал свой обед, когда увидел, что зашла шумная компания, человек десять: две девочки, остальные – ребята. Все были нерусские, разговаривали на своем языке, причем одновременно и очень громко, смеялись, хлопали друг друга по ладоням и весело улыбались. Ребята сдвинули два стола, и, когда они расселись, Гриша заметил среди них Арсена.

– Арсен! – позвал его Гриша.

Тот обернулся:

– О-о-о, сосед-джан, цаветанем!³ Сейчас с ребятами познакомлю!

Арсен вскочил, взял Гришу под руку и приволок к столу своих друзей.

– Ребят! Это Гриша, мой сосед! Из Воронежа приехал.

Армяне по одному начали пожимать руку новому соседу Арсена. Вартана там не было, остальных имен Гриша просто не запомнил, кроме Армана, и то, наверное, потому, что он был одет не так, как все они. Арман был в голубых джинсах, кроссовках «Рибок» и голубой спортивной футболке с капюшоном. Остальные были одеты примерно в одном стиле: черные брюки со стрелками и рубашки – у кого бежевая, у кого в полоску, увешаны золотом – браслетами, цепями и кольцами. Самым поразительным было то, что, несмотря на сравнительно небольшой рост, где-то 165–175 сантиметров, у всех почему-то были невероятно больших размеров черные туфли. У кого-то лаковые, у кого-то нет, но у всех начищенные до блеска и, видно, дорогие.

Гриша был одет в светлые джинсы, легкие черные мокасины и того же цвета футболку с большой желтой надписью Wrangler на груди. Он явно не вписывался в эту компанию, а если еще учесть внушительные носы, круглые рыбы глаза и черные волосы армян, то Гриша явно был не на своем месте. Девочки были довольно симпатичные и дружелюбные, похожие на гномиков, звали их Нелли и Гаянэ. Они тоже громко смеялись, говорили что-то на армянском и абсолютно никого не стеснялись. Вообще вся компания была довольно дружелюбная. Они никого не трогали, просто громко разговаривали. Гриша не стал с ними сидеть. Сославшись на дела, попрощался и убежал. Пары закончились, и он пошел в общагу, чтобы почитать конспекты, а позже поехать к тете.

Прошла неделя. Гриша ходил на пары, обедал в столовой, потом в своей комнате повторял лекции, вечером готовил что-нибудь поесть на общей кухне на этаже, иногда вместе с Арсеном. Арсен и Вартан вместе со своим земляком с четвертого этажа Тиграном научили Гришу играть в карточную игру белот, которую они считали армянской и называли «базар блот». Игра была сложная, но очень интересная. Гриша как-то читал одну книгу про арабов, эту игру они считали своей так же, как и армяне. Но в России и в бывшем СССР на самом деле, кроме армян, никто не знал этой игры.

В Москве было шумно, в общаге – весело. Грише нравилась такая жизнь, и он окончательно решил для себя, что хочет жить в столице. Да, со стороны он выглядел тихим и скромным ботаником, но парень просто присматривался к этому городу. Гриша еще боялся показать себя настоящего, помня предательство близкого друга. И неизвестно, сколько бы еще текла его жизнь вот так – размеренно и правильно, если бы не один случай.

Арсен уехал к родственникам, и Гриша провел субботу в одиночестве – пил чай, листал конспекты, вспоминал воронежскую жизнь и мечтал, как развернется жизнь столичная. Ночью он никак не мог заснуть из-за шума, доносящегося из коридора. Шум в общаге – дело привычное, но вот уже два часа как на этаже кто-то громко смеялся и разговаривал.

Часа в три ночи в дверь кто-то начал барабанить. Гриша открыл. В дверях стоял подвыпивший парень ростом ниже среднего, коренастый и широкоплечий. Русые прямые волосы были не стрижены и немного закрывали уши. У него был небольшой, но с горбинкой нос и прямой вызывающий взгляд карих глаз. Одет парень был в сине-красный спортивный костюм с надписью «РОССИЯ», на босых ногах были спортивные резиновые тапки с такой же надписью.

– Сигареты есть, э? – без церемоний спросил неожиданный гость.

– Есть, а что? – Гриша не смолил постоянно, но иногда мог выкурить сигарету, на этот случай у него была припасена почти полная пачка «Парламент лайт».

– Через плечо!! У нас кончились! Дай сигареты, несколько штук! – дерзко сказал парень.

Гриша никогда трусом не был, а хамство этого персонажа его просто вывело из себя.

³ Цаветанем – дословно «твою боль себе возьму». Уважительное обращение на армянском.

– Ну так пойдёшь к метро и купи!

Наглец был шокирован таким ответом. Как будто раб нагрубил хозяину, а в роль хозяина он почему-то возвел себя.

– Ты че, э, лошара, попутал, что ли? Или не проснулся еще? Я тебе репу сейчас расколю!

В этот момент сзади подошел еще один, судя по всему, его друг. Худощавый, среднего роста смуглый брюнет, на вид ему было лет двадцать пять, в красной футболке, спортивных штанах «Адидас» с полосками по бокам и в тапочках. Он грыз семечки, небрежно бросая по одной себе в рот и выплевывая шелуху прямо на пол.

– Мурик, че потерялся? Кого тут напрягаешь? – поинтересовался брюнет.

– Да тут олень какой-то дерзит, есть жи⁴, Мага, че, навешать ему, вот думаю...

– Тормози, ле⁵, че лоха этого бить!? Сигареты есть, пацан? – поворачиваясь к Грише, спросил он.

Гришу поразила их беспечность и наглость. Было такое ощущение, что они говорили про мебель. Он прокручивал в голове возможные варианты развития ситуации. Сломаться, дать полный назад, спокойно отдать им сигареты и пойти спать он не хотел. С другой стороны, стоять на своем было чревато последствиями. Их двое, и неизвестно, сколько еще придет, один точно спортсмен. По акценту ясно, что они кавказцы, а их мало не бывает. Гриша плохо разбирался в нациях, но было видно, что это не веселые и дружелюбные армяне, а какие-то полубандиты. Тем не менее его упрямство взяло верх. Сейчас надо было себя поставить так, чтобы потом его никто не трогал.

– Есть. Но надо бы вам научиться нормально разговаривать, – ответил он спокойным тоном.

– Ва!⁶ Ты смотри... Ежик в себя поверил, что ли? – с усмешкой сказал тот, кого называли Муриком.

– Я не ежик, во-первых, а во-вторых, как человек разговаривай!

Гриша уже готов был обороняться. Он решил идти до конца. Чему быть, того не миновать.

– Я сейчас тебе поговорю, чертила!! – уже злобно закричал спортсмен и через секунду треснул Гришу кулаком.

Звездочки закружили перед глазами. Удар был резкий и сильный, парень отлетел назад на метр, согнувшись и закрыв лицо руками.

– Чале!⁷ Тормози, Мурик! Э-э-э!! – Мага схватил друга за руки.

– Я его поломаю сейчас, лоха этого!! – кричал Мурик.

– Не надо! Не трогай его, тормози!

Секунд через пять Гриша поднял голову, выпрямился и, решив, что не имеет права в первую же неделю в Москве так опозориться, вдохнул побольше воздуха, готовясь к самому худшему, и со всего маху ударил Мурика прямо в челюсть!

Удар прошел вскользь и сильным не получился, но кавказцы застыли как вкопанные, удивленно глядя на Гришу. Воронежский легкоатлет встал в стойку, защищая лицо кулаками, и был готов к тому, что сейчас эти двое его отменят, но он просто так не сдастся. Все трое на мгновение замерли, Гриша – недоумевая, почему они не нападают, а незваные гости – в шоке от его поступка.

Тишину нарушил брюнет:

– Ты откуда тут взялся? Давно в общежитии живешь?

⁴ **Жи** – жаргонное выражение дагестанцев, часто употребляемое как подтверждение: жи есть.

⁵ **Ле** – эй. Обращение к мужчине (*аварский язык*).

⁶ **Ва** – возмущенный возглас у дагестанцев.

⁷ **Чале** (или **ча**) – хватит (*аварский язык*).

– Что? – Гришу ошеломил вопрос.

– Откуда ты, говорю? Ты понимаешь, на кого прешь?

– Я из Воронежа, неделю назад перевелся сюда. Я ни на кого не прю. Просто надо нормально разговаривать!

– Я в шоке, жи есть, внатуре! Не ожидал! Молодец ты, Воронеж, не очканул⁸, – с ухмылкой сказал Мурик.

Гриша просто не верил своим ушам. Когда его уже начнут убивать? Это что, розыгрыш какой-то!? Или они только с виду страшные?

Тут тоном старшего заговорил смуглый:

– Короче... Меня зовут Мага, его Мурад. Как тебя зовут?

– Гриша.

Они по очереди пожали ему руку.

Потом Мага сказал:

– Мы уважаем таких, как ты! Ты достойный оказался мужик! Бери сигареты, чисто по-братски, пойдем с нами выпьем. Там наши пацаны, познакомись. Через четыре комнаты. Тысяча сто пятая наша.

Гриша взял сигареты. На секунду замешкался: странно это все. Но все же пошел с ними.

1105 был блок из двух отдельных комнат и общего санузла. Обе комнаты были «двушки». Та, что слева, была чуть больше, видимо в советские времена это была «трешка». Перед дверью кавказцы встали, пропуская Гришу вперед. Комната была просторней, чем Гришина. Две кровати у окна, между ними стол и три табурета. Возле шкафа две тумбы с ящиками, на одной лежал бережно сложенный коврик, похожий на молитвенный у мусульман, на второй стоял магнитофон «Сони», из колонок которого тихо звучало радио. За столом сидели трое – двое на кровати, один на табурете.

У окна устроился брюнет в белой футболке с надписью Asics Wrestling, примерно двадцати трех лет. Подчеркнутое короткой стрижкой лицо походило на суровую скалу, уши, полуманные неоднократно, напоминали пирожки. У него были невероятно широкие плечи и накаченные руки. Видно было сразу: с таким не дай бог повздорить.

На кровати, ближе к нему, сидел тоже спортивного телосложения, но моложе и поменьше светловолосый улыбающийся весельчак. Нос у него был чуть картошкой. Ярко-сиреневая расстегнутая рубашка обнажала грудь, которую украшал кожаный треугольник на ниточке, очевидно, талисман. Парень был похож на русского деревенского хлопца, только глаза у него были как у хищного зверя – какие-то волчьи, зеленые, в них читались бесшабашность и смелость. А когда Гриша увидел его руки, холод пробежал у него по телу – костяшки были в шрамах и ссадинах, видать, этот парень любил подраться.

Второй же, сидевший на кровати, резко отличался от остальных. Он был одет в черную футболку и черные брюки. Волосы его были черные, как смоль, и волнистые, видимо специально выпрямленные с помощью геля для волос, но все равно вьющиеся. У него был прямой нос, пухлые губы и темно-карие миндалевидные глаза с длинными ресницами. Взгляд его пронизывал, будто парень мог читать мысли, и выдавал едва заметное высокомерие. Было понятно, что он обладает проницательностью и недюжим умом и явно это сам понимает. На лице у парня было что-то вроде ухмылки. Сразу бросалось в глаза, что он точно не спортсмен, как все остальные: среднего телосложения, руки не накаченные, а пальцы – длинные и красивые, как у пианиста.

На небольшом столе стояли полупустая бутылка водки «Исток», двухлитровая кока-кола, хлеб, маринованный чеснок, банка соленых огурцов, нарезанные яблоки и большое блюдо

⁸ Очкануть – испугаться (жаргон).

с вареным мясом, а еще четыре пустые тарелки, из которых они ели, точнее закусывали, и одноразовые стаканы.

– Пацаны, это Гриша! Нормальный пацан, вроде, – сказал Мага, садясь на диван.

Светловолосый встал и протянул Грише руку:

– Шамиль.

Следом руку пожал ломоухий здоровяк Гаджи. И, выдержав едва заметную паузу, глядя с подозрением Грише прямо в глаза, свою тонкую, по сравнению с другими, руку протянул последний – Натан.

Мурик вздохнул и стал рассказывать, как Гриша «не очканул и воткнул ему обратку». Остальные одобрителем кивали.

Гаджи с уважением сказал Грише:

– Молодец, вацако!⁹ Спортсмен?

– Любитель, – ответил Гриша.

– В смысле «любитель»? Чем занимаешься?

– Легкой атлетикой, но титулов особых не имею, КМС всего.

Услышав «легкая атлетика», они улыбнулись.

Мага повелительным тоном сказал Мураду:

– Мурик, налей, а ну-ка! Че морозишься!? Грише тоже налей!

Потом, обернувшись к Грише, спросил:

– Так сигареты где? Мы тут уже воем без курева!

Гриша достал из кармана пачку и аккуратно положил на стол. Он прекрасно знал с детства, что «по-пацански» сигареты надо класть на общий стол. А тут все пахло «блатной лирикой».

Парень уже не ломал голову над тем, откуда эта вся «братва», и, пока Мурад наливал всем водку, смело спросил:

– А вы откуда родом? Учитесь тоже тут?

Ему дружелюбно ответил Мага:

– Мы из Дагестана, братан! Я живу в этой комнате, со мной братишка еще живет, его нет сегодня просто. Мурик в соседней живет, учимся тут. Натан тоже здесь учится, но живет в квартире. А эти бездельники школу еле закончили! – и он ехидно засмеялся.

– Майами, тормози, да, ерунду говорить! Мурик, налей штрафную ему! – показывая на Гришу и широко улыбаясь, сказал Шамиль и добавил, обращаясь к новому собеседнику, – гонит все он! Мы спортсмены! Борцы. Лучше бороться, чем стремных англичанок ради зачета шатать!

И все они дружно засмеялись, включая Магу, как стало понятно, по прозвищу Майами.

Когда все чуть успокоились, заговорил Натан:

– Хорош балаболить, давайте накатим лучше!

Он повернулся к Грише:

– Молодец, заднюю не дал! Давай покажи теперь, как бухать можешь! В Воронеже наверняка хорошо пьют. Давайте выпьем за правильных пацанов, с духом, чтоб за нашим столом только такие были!

– ИншАллах!¹⁰ – сказали в один голос почти все сидевшие за столом и, чокнувшись одноразовыми стаканами, выпили.

У Гриши был полный стакан, и все они как бы незаметно следили, как он выпьет. Зная это, он медленно осушил его до дна, чувствуя, как спирт расходуется по организму, и закусил

⁹ Вацако – братан (аварский жаргон).

¹⁰ ИншАллах – даст Бог (арабское выражение из Корана).

соленым огурцом. Гриша успел заметить, что, когда Натан говорил, все внимательно слушали. Было видно, что он пользуется уважением среди друзей.

После того, как Гриша выпил, Мурик хлопнул его по плечу и сказал:

– Пойдем выскочим в коридор, покурим, а то Майами не разрешает в комнате курить. Замучил нас уже всех.

Гриша сидел с ними еще часа два. Пили, смеялись, разговаривали. Говорили в основном они, больше всех Шамиль. Из разговоров Гриша узнал, что Шамиль и Гаджи живут на съемной квартире. Шамилю было двадцать лет, он много и громко заливисто смеялся. Оказалось, что он чемпион России по вольной борьбе, но два года назад бросил заниматься. Что делал Шамиль сейчас, было непонятно. Здоровяк Гаджи по прозвищу Борцуха был чемпионом Европы, тоже по вольной борьбе, но год, как бросил это дело. Ему было двадцать два, хотя выглядел он постарше.

Гриша заметил, как беспрекословно Мурад наливал всем, что-то поднимал, если упало, подавал и убирал со стола. Это делалось на автомате, и Гриша был поражен, когда понял почему: он был самым младшим в этой компании! В Воронеже, конечно, много слышали про кавказцев, про их отношения между старшими и младшими, но Гриша думал, что подобное было давно либо осталось только в глухих селах. Он видел, что у армян отсутствует какая-либо иерархия. У них все было просто, почти как у русских. У этих же, дагестанцев, все было по какому-то кодексу. Выходя из комнаты или заходя в нее, они обязательно пропускали старших вперед, но первым – Гришу, видимо, потому что он гость.

Мурик оказался очень веселым парнем с открытой душой. Трудно было поверить, что пару часов назад он вел себя как дерзкий наглец, который готов был убить незнакомого парня из-за сигарет! Оказалось, что его как младшего, отправили за сигаретами, и он, чтоб не идти на улицу, решил стрелкнуть их у соседей.

Про Магу Майами Гриша узнал смешную историю о том, как он соблазнил молодую преподавательницу английского языка и на месяц стал ее любовником ради того, чтобы она поставила ему зачет. Он своего добился, но теперь при каждом удобном случае все подкалывали его. Майами было уже двадцать четыре года, он учился на третьем курсе. Мага поздно поступил учиться, видимо были какие-то обстоятельства.

Про Натана Гриша толком ничего узнать не смог, но постоянно чувствовал на себе его сверлящий взгляд. Натан не молчал, а говорил наравне со всеми, смеялся и умело подкалывал всех, а вот его не подкалывал никто, и про себя он ничего не говорил. Разговорная речь Натана была не такой, как у других, акцента практически не было, и всякие непонятные словечки, типа «вацако» и «ле», он не использовал вообще. Гриша, не стесняясь, спросил, что значат эти слова.

Майами ответил ему с улыбкой:

– «Вацако» – это братан, «ле» – это просто обращение к мужчине. «Ча» – это, типа, хватит. Что еще...

– Еще «саул»¹¹, но это, как я уже понял, «спасибо», – сказал Гриша.

– Правильно. «Спасибо» еще можно сказать «баркалла»¹², – добавил Мага.

– А еще на нашем грамотном языке «спасибо», знаешь, как? – спросил Шамиль и сразу сам ответил: – Сенкью! – и, заливаясь во весь голос, засмеялся над своей глупой шуткой.

Когда он смеялся, волей-неволей начинали смеяться все. Речь его была немного комична, потому что он не выговаривал букву «р».

На улице было уже светло, и Гриша, вставая, сказал:

– Ладно, ребят, пойду я уже. Спасибо за компанию!

¹¹ Саул – спасибо (дагестанский жаргон).

¹² Баркалла – спасибо (арабский язык). Так благодарят в Чечне и Дагестане.

– Да ладно, все нормально! Если че, всегда заходи! – Майами протянул ему ладонь.

– Да, братка, не обессудь, что так вышло, короче, – с улыбкой добавил Мурик, пожимая руку Грише. – Ты, вообще, обращайся, если че, мы тут... Если проблемы с кем-то или че...

– Спасибо. Но я за мир. А за это, ничего, все бывает, главное, поняли друг друга, – улыбнулся Гриша. – Кстати, если кому негде спать, у меня сосед только вечером приедет, место есть одно.

Шамиль дружелюбно сказал:

– Саул! Будем знать, что один шконарь¹³ есть. Но ты не парься, мы сейчас на хату поедem.

Попрощавшись со всеми, Гриша пошел к себе комнату. Он лег на кровать и понял, что пьян. От постоянных мыслей и напряжения, сидя с ребятами, Гриша этого даже не чувствовал. Парень моментально провалился в сон.

Открыв глаза, Гриша увидел Арсена, лежащего на своей кровати с книгой в руках. Будильник на тумбочке показывал 16:34. Гриша проспал около десяти часов. Во рту была засуха, голова трещала.

– Арсен!

– Ай, ахпер, сколько ты спишь, ва-ай! Я тут, как мишка, сижу! – сосед вскочил с кровати, бросив книгу, посмотрел на Гришино лицо и ужаснулся, сделав гримасу то ли страшную, то ли смешную. – Аствац!!¹⁴ Что случилось?? Кто побил тебя, брат??

Гриша слабо улыбнулся тому, что Арсен сказал «мишка», имея в виду мышку. Потом он вспомнил, что вчера произошло, и понял, что под глазом у него синяк.

– Да все нормально, друг. Вода есть? Пить хочу, умираю.

Арсен протянул ему бутылку минералки, причитая, как бабка:

– Как я тебя оставил без защиты тут!? С кем подрался? Наверняка из-за девушки! Еще и не спал всю ночь, наверное! Сегодня разборки сделаем! – он уже принял воинственный вид, нахмурил брови и выпятил грудь. – Сейчас кофе попьем, потом пойдем позвоним Вартану, Карену, ребятам. Ты зачем ночью в ту общагу не пошел? Тиграна не позвал? Он боксер! Любого побил бы!

– погоди, пожалуйста... Блин, голова болит... Душ приму и расскажу все. Не переживай, не надо никому звонить! Все хорошо, друг!

Через полчаса Гриша поведал Арсену про свои ночные приключения. По мере его рассказа лицо у Арсена становилось все менее воинственным и все более бледным.

Когда Гриша закончил, сосед молча достал из кармана пачку сигарет, вытащил одну, прикурил, хотя в комнате они никогда не курили, и, посмотрев на Гришу добрыми печальными глазами, тихо спросил:

– Курить будешь, брат?

Гриша громко рассмеялся. Парадоксально, он только что рассказывал Арсену, как подрался с кавказцами из-за сигарет, и этот, тоже кавказец, хоть и другой нации, опять говорит про сигареты!

Наконец он успокоился:

– Извини, Арсен-джан. Просто, все так странно. Угрозило меня попасть в этот водоворот!

– Теперь слушай, брат, меня, – начал Арсен серьезно.

– Да, да, друг! Так ты знаешь их?

– Я знаю всех! Прошлый год я на четвертом этаже жил, а эти все время тут ошивались. Поверь, цаветанем, с ними не связывайся! Это бандиты. И я тебе откровенно скажу, они страш-

¹³ Шконарь – тюремная койка (жаргон).

¹⁴ Аствац – Бог (армянский язык).

ные люди. Очень злые ко всем, кроме своих! Только друг друга они уважают, и все! Хотя нас они никогда не трогали, даже бухали с нами пару раз. Но потом... брат...

Арсен приблизился и, прищутив глаза, шепотом произнес:

– Они тут человека убили! Про это многие знают, но не говорят.

Гриша удивился, но до конца не поверил. После ночных событий у него сложилось иное мнение об этих ребятах. Кто из них?.. Да и зачем в институте кого-то убивать?

Арсен же с серьезным лицом продолжал:

– Этот Шамиль – беспредельщик и отморозок. Он тут не учится, это Натана друг. А Натан хитрожопый самый, он там главный мозг, его весь институт знает! И бывает он со всеми – и с армянами, и с чеченцами, и с осетинами. Везде в курсе всего! Что они мутят, никто не знает, но у них иногда бывает много денег, и они зажигают тут неделями. Проституток сюда привозят, с общаговскими девочками тоже развлекаются! Майами хороший парень, у него брат тоже нормальный. У них двоюродный брат – олигарх, он их сюда учиться засунул. Этот Борцуха тоже их родственник дальний. Он спокойный, но самый сильный там. Его не дай бог задеть! Ва-ай!

– Ты мне скажи, кого тут кто убил? И за что?

Арсен снова прищурился:

– Короче, я тебе скажу... Но ты это не от меня узнал, а лучше вообще не знаешь, аскаца... то есть понял?

Гриша кивнул, он видел, что Арсен от волнения даже слова русские и армянские путал и говорил не совсем грамотно.

– В общем, тут какой-то русский бандит крутой вечером телку свою ждал на улице, где стоянка перед поточным, а этот Шамиль, руки у него чесались подраться, что-то до него докопался. Короче, они сцепились. Русский сильный оказался, его скрутил, в этот момент Натан прибежал. Никого больше из их друзей рядом не было. Мимо проходили только те, кто на вечернем учился, и то мало людей. Вдвоем они его бить начали, а тот пистолет вытащил! И в Шамиля уже стрелять хотел! Там, говорят, все секунды решали... Натан ему нож в живот три раза воткнул, чтоб он Шамиля не убил. Русский упал, а они убежали.

На следующий день менты пришли и всех чеченцев стали забирать. Кто-то из свидетелей сказал, что они чеченцы были. Вы же, русские, не разбираетесь. Но чеченцев не опознали, а дагестанцы эти, Натан и Шамиль, исчезли на время вообще. Тихо сидели, не слышно было их. Потом появились... Такое тут потом на Новый год ночью устроили, вай-вай... Я тогда здесь был, домой не полетел, билет не успел купить. Общага вся гремела... прям на первом этаже в круг встали, лезгинку танцевали! Герои стали они у них!

Кавказцы все в баре на балконе сидят, они знали, кто русского убил. Одна чеченка видела, когда эта драка была... Своим землякам рассказала. Но ее одну, наверное, менты ни о чем не спрашивали, она крутая какая-то. Короче, когда Шамиль и Натан пришли в бар, все уже знали, что с ними лучше не шутить! А Натан этот у них, видно, сразу боссом стал.

Не нужны они тебе, брат-джан! Они нехорошие дела делают, я уверен! Натана я хорошо знаю, он с армянами может сесть базар-блот играть, коньяк пить, чуть-чуть армянский язык сказать... А потом кто-нибудь без денег будет! Или ограбят, или еще что!

Гриша призадумался, прикурил сигарету. Хорошо, что Арсен не мешал своими причитаниями, а молча уставился в окно. Конечно, теперь многое стало понятно. Но чутье подсказывало Грише, что все это раздуто и есть что-то такое, чего не знают все эти переносчики слухов и сплетен. То, что осталось в кругу друзей, не допускающих в свой мир никого, кроме своих.

Прошло еще две недели. Дагестанцев Гриша за это время не встретил ни разу. Он спокойно ходил на пары, вечерами иногда играл с армянами в карты или в нарды. Съездил в «Макдоналдс», погулял по Красной площади, походил по магазинам. Одним словом, привыкал

к Москве. Не забывал Гриша и учиться, старательно записывал все лекции, а потом перечитывал конспекты.

В конце сентября он побывал на дне рождения у одногруппницы. Юлия Артамонова, симпатичная голубоглазая шатенка с длинными волосами, всегда модно и стильно одетая, подошла перед лекцией и, смущенно улыбаясь, пригласила его после пар в кафе «Фортуна» около метро. По пути в кафе Гриша заглянул в магазин парфюмерии и купил туалетную воду, в цветочном павильоне рядом выбрал букет из одиннадцати красных роз.

Кафе «Фортуна» по сути было бильярдной. В зале друг за другом стояли четыре американских пула, а по краям – восемь деревянных столов на четыре и на шесть человек. Возле барной стойки в конце скучали официантки и бармен. Одногруппники Гриши уже тусовались здесь: восемь девушек и два парня – болтун Максим и угрюмый москвич Антон. На столе стояли шампанское, графин с соком, тарелка с фруктами и две пиццы, которые, видимо, только что принесли.

Именинница вся сияла. Гриша подошел к ней, подарил цветы и духи, поздравил. Она скромно с улыбкой чмокнула его, после чего прижалась своей щекой к его.

Гриша сидел в кафе и считал каждую минуту, ему хотелось быстрее уйти. От болтовни и смеха девочек у него уже болела голова.

Через час он встал, подошел к Юле и, склонившись к ее уху, шепотом сказал:

– Спасибо, что пригласила, еще раз тебя с днем рождения! Я пойду уже, у меня дела.

Юля встала, взяла Гришу под руку и оттащила подальше от стола. Повернувшись лицом к нему, сделала губы бантиком и обиженно сказала:

– А я так надеялась, что ты посидишь еще... что мы потанцуем, познакомимся поближе...

Она была немного пьяна, но Гриша давно заметил, что Юлия частенько стреляет в его сторону глазками.

– Я думаю, у нас будет еще много возможностей и потанцевать и познакомиться ближе, – ответил он ей с доброй улыбкой.

– Ой... Гриша, спасибо тебе... Да... я очень надеюсь на это! Знаешь... ну, да, в общем... пока!

Девушка растерялась, покраснела, потом улыбнулась, обняла Гришу и поцеловала в щеку:

– Я буду ждать! – и убежала.

Гриша вышел на улицу и, улыбаясь, зашагал к метро. У него не осталось денег, надо было ехать к тете, чтобы взять из своих сбережений сотню долларов. Все что было, он потратил на подарок Юле, но ни капли не жалел об этом. Хорошая, добрая девочка. Симпатичная. Гриша видел, что нравится ей, но он был слишком сильно ранен Катей и не мог себе позволить снова оказаться в такой же ситуации. Парень твердо решил для себя: никаких любовных историй и никаких близких друзей! Он словно возвел вокруг себя каменную стену и не собирался никого впускать в свое сердце.

Тетя жила с мужем в районе метро «Юго-Западная». Ее дочь, Гришина двоюродная сестра Олеся, была замужем за мелким бизнесменом и жила на проспекте Мира. Гриша с ней особо не общался, они и виделись-то за всю жизнь раз пять-шесть. Олеся была старше Гриши на семь лет, и общих тем для разговора у них почти не было. А вот тетя, ее звали Татьяна, была добрейшей души человеком. Когда-то она была заведующей отделением хирургии в Воронежской городской больнице, а ее муж Игорь, стоматологом. Десять лет назад они решили переехать в Москву, брат ее мужа работал в московском Минздраве. Он устроил Игоря в клинику и помог получить двухкомнатную квартиру, так они в столице и остались. Сейчас уже на пенсии были, жили скромно и тихо.

Гриша остался ночевать у тети, а утром, видимо, когда второпях одевался, выронил ключи от своей комнаты. Теперь ему надо было найти Арсена, чтобы взять у него ключ. В пере-

рыве между парами Гриша встретил одного из друзей Арсена, который сказал, что тот сидит в баре на балконе. Гриша поднялся туда, встал у входа и стал с интересом изучать бар, параллельно ища глазами соседа.

В баре помещалось всего десять столов. Справа от входа была барная стойка с кассой, перед ней столпились несколько человек. Слева от стойки стоял одинокий стол, за которым сидели трое парней и о чем-то беседовали, улыбаясь. Все трое были нерусские и говорили на своем языке. Темно-русые, белокожие, с высокомерными взглядами, полные достоинства, все они были дорого одеты. Парни высоко держали головы, в их глазах читались ум и хитрость.

Дальше в два ряда стояли пластиковые столы. За ними в основном сидели кавказцы, но были здесь и русские. За одним из столов Гриша увидел Шамиля, который, закинув ноги на соседний стул, что-то рассказывал двум красивым русским девушкам и смеялся во весь голос. За соседним столом Натан играл в карты с ребятами, которых Гриша не знал. За последним столом тоже играли в карты, и кто-то там громко кричал. Там и сидел Арсен с земляками. Гриша улыбнулся, подумав, что армяне конечно неизменны, где они, там шум и суета, но все по-доброму, на уровне шуток.

Вдруг Гриша услышал голос:

– Братец, ты проход совсем закрыл, Вася!

Он обернулся и увидел перед собой веснушчатого парня с дымящейся сигаретой в руке. Среднего роста, худой как спичка, и рыжий давно нестриженный парень немного горбился, но смотрел с вызовом.

– Ты перепутал меня с кем-то. Я Гриша.

– Оура¹⁵, пройти, говорю, хочу, спутал, не спутал!

– А-а-а... Конечно! Я просто не понял сразу, – Гриша посторонился.

– Кого ищешь тут? Раньше что-то не видел тебя. Первокурсник, что ли?

– Нет, не первокурсник. Из другого города перевелся на третий курс.

– А ищешь кого?

– Да уже нашел. Соседа по комнате.

В этот момент послышался голос Натана:

– Астик, это свой пацан!

Гриша развернулся. Натан подошел и сразу протянул ему руку, следом поздоровался с тем парнем. Второй рукой оба они прикоснулись к плечу друг друга.

– Натан, салам, братец! Не знал просто его. Познакомился только.

Протянув Грише руку, парень представился:

– Астамур.

– Гриша.

Натан положил руку Грише на плечо и спросил:

– Как дела?

– Ничего, все нормально.

– Что-то тебя не видно было. Учишься?

– Ну да. А что тут еще делать? Это же институт.

Натан ухмыльнулся, но ничего не сказал. Они сели за стол.

Шамиль, увидев Гришу, сразу подошел, улыбаясь:

– Как ты, Гриня?

Гриша привстал, протянул ему руку, Шамиль поздоровался с ним двумя руками, второй похлопывая за плечо.

– Нормально все. Ты как?

– Да тоже все в порядке.

¹⁵ Оура – эй. Обращение к парню (абхазский язык).

– Чай будешь? – спросил Натан.

– Да, можно.

Натан развернулся к соседнему столу, где сидели и о чем-то болтали двое парней, с которыми он только что играл в карты:

– Гасан, чай принеси по-братски!

Один из них беспрекословно встал и пошел к барной стойке. Через три минуты поднос с чайником, блюдцем сахара и четырьмя прозрачными стаканами с ложками был на столе.

Натан объяснил Грише, что Астамур – абхаз, нормальный парень, но иногда травится наркотой, потом спросил Гришу про его учебу и про Воронеж. Спрашивал с наигранным безразличием, хотя Гриша видел, как он анализирует каждое его слово и каждый жест.

Шамиль ушел к девушкам и продолжил их веселить. Подошел Арсен.

– А-а-а, Гриша-джан, цаветанем! Наконец-то ты к нам поднялся! – с улыбкой сказал армянин, здороваясь с Гришей.

– Так я тебя тут и искал! Мне ключ нужен. Я свой у тети случайно выронил.

– Конечно, возьми, брат! Я часов в шесть только в общагу пойду, – Арсен протянул соседу ключ и снова сел за свой стол.

Натан вдруг спросил:

– А у тебя тут тетя живет?

– Да.

– Родная?

– Ну да. А что?

– Да нет, ничего. Просто спросил. А в каком районе?

– На «Юго-Западной».

Натан почему-то удивился.

– А на какой улице?

Гриша насторожился, вспомнив предостережения Арсена и не понимая, к чему столько вопросов.

Собеседник мгновенно прочитал Гришино волнение и, как будто отвечая на его вопросы, с ухмылкой сказал:

– Я просто рядом живу. На проспекте Вернадского. Я там многих знаю, думал, мало ли... может, твоих братьев или сестер двоюродных встречал где-то.

К ним подошел парень среднего роста с прической, закрывающей уши (как Гриша уже понял, у кавказцев это была модная стрижка), в джинсах, черных красивых туфлях с тупыми носами и дорогой черной рубашке с надписью на нагрудном кармане Hugo Boss. Он был светлый, но волосы черные. Парень надменно, свысока смотрел вокруг.

Протягивая руку Натану, он сказал:

– Салам алейкум, Натан! Как ты?

Натан, чуть привстав, поздоровался с ним. Они полуобнялись.

– Ва-а-лейкум салам! Все ровно. Ты как?

– Нормально! Что там, не спрашивал ты насчет статистики? Брат, кроме тебя, никто не решит это, отвечаю!

У парня был своеобразный акцент, непохожий ни на дагестанский, ни на армянский. Но Грише этот говор показался очень знакомым.

– Я спросил. Преподша на принципе, только через завкафедрой. Меньше пятисот никак не получится.

– Вот сука! Ну, вариантов нет, короче, пятьсот так пятьсот.

– Ну как готов будешь, зачетку, направление и капусту приноси, – Натан говорил с каким-то безразличием.

– А нельзя сначала поставить, потом деньги ей дать?

– Можно! Но не всем! Только тем, кто после института идет учиться в школу! – сказал Натан с язвительной ухмылкой.

– Ну ты шутник!

И они вместе засмеялись, причем у кого в этот момент лицо было хитрее, трудно сказать.

– Ладно, решено, брат! Завтра бабки притащу.

– Базара нет!

Они не попрощались, этот парень сел за первый стол, где уже сидели пять человек.

Пока они разговаривали, в бар поднялся Мага Майами. Он поздоровался со всеми за первым столом. Проходя мимо Шамиля, просто хлопнул его по спине, потом весело поприветствовал Натана и Гришу.

– Ассаламу алейкум!

– Ва-а-лейкум салам, Майами! – Натан встал, они тоже обнялись.

Майами двумя руками поздоровался с Гришей:

– Гриня, как ты, ле? Че пропал совсем?

– Все нормально, я тут.

Мага сел за стол.

Натан хитро улыбнулся:

– Аслан клюнул! Завтра капусту принесет!

– Во ты красавя, Натан! – обрадовался Майами. – Как ты раскрутил его грамотно! Чехи все попрут теперь к тебе. Главное, чтоб не врубилась.

– Да не врубятся они! Все ювелирно! – самодовольно сказал Натан.

Гриша наконец решил спросить у них:

– А кто это такой был?

Натан с Магой переглянулись, как будто забыли, что он сидит с ними за столом.

Майами ответил:

– Это ингуш, Аслан.

– За тем столом все ингуши, что ли?

– Нет, – улыбнулся Мага, – там в основном чехи, ну... чеченцы. Ингуши всегда с ними, у них язык один. Еще с ними бывают карачаевцы. Три-четыре человека. Русские. Мы с чехами братья, но у них своя тема, у нас своя.

Гриша понял, наконец, где он слышал этот акцент. По телевизору постоянно в новостях показывали чеченских боевиков. Там же война была.

– А армяне, грузины?

Мага опять улыбнулся:

– Армяне – отдельная тема. Их больше других кавказцев в институте, но они сами по себе. Грузинов мало тут. Абхазов больше. Они после войны особо не дружат, но с абхазами в кентах¹⁶ кабардинцы и черкесы, а там цепочка идет дальше. Короче, не заморачивайся. Со временем, будешь с нами, все узнаешь.

Натан все это время сверлил Гришу глазами, как будто проверял его. Пара уже началась, но в баре сидел народ. Суеты, конечно, стало поменьше, но армяне также играли в карты, а Шамиль охмурял девушек.

Гриша встал, собираясь идти:

– Пойду я, пацаны!

– Да посиди... что ты все учишься!? Отдохни чуток! – остановил его Мага.

– Да я не учиться! – ответил Гриша. – Я к метро, дубликат ключа сделать, к тете из-за этого ехать не хочу.

¹⁶ Кент – друг (жаргон).

– Это не проблема! Сейчас молодых зашлем... – Мага окинул взглядом бар. – Гасан! Ва! Я тебя не увидел! Салам алейкум! – обратился он к парню, который приносил чай.

Тот встал, подошел к Маге, с уважительной улыбкой поздоровался, как у них принято, и сказал:

– Ва-алейкум салам, Мага! Да я сам че-то заболтался, не спалил тебя.

– Гасан, махни, да, к метро, дубликат ключа сделать надо.

– Да, Мага, без проблем, давай ключ.

Мага протянул руку, Гриша отдал ключ и деньги на дубликат.

Молодой без вопросов повернулся к своему собеседнику и крикнул:

– Алан, пятнадцать минут погоди, я к метро слетаю.

Тот кивнул, и Гасан убежал.

Гриша в очередной раз был удивлен. Ну, можно налить, убрать стол, подать чай... Но идти к метро только из-за того, что ты младше на каких-то три-четыре года!? Причем это не было обидно или постыдно! Это было ясно и просто, как то, что надо пить воду или чистить зубы.

Натан в очередной раз прочитал мысли Гриши и ответил на его вопрос:

– Это Гасан, наш земляк, молодой самый. Живет в Москве, но пацан воспитан в традициях. Он младший из сидящих тут в данный момент дагов. Я, когда младший был, тоже бегал. Если сейчас окажусь в компании самым младшим, опять буду бегать. Это не западло, так принято.

– У всех кавказцев так? – поинтересовался Гриша.

– Нет. Только на Северном Кавказе. У армян и грузин такого нету. Они и не такие сплоченные, как мы.

– Я, честно говоря, особо не разбираюсь.

— Это понятно. Жил в Воронеже тем более, для тебя все одно и то же.

– Пойдем шаурму покушаем внизу? – предложил Мага Натану.

– Пошли, – Натан встал. – Идем, Гриша.

Прямо под балконом на одном из прилавков продавали шаурму из курицы. Майами сел за стол, показал Грише на соседний стул, а Натан пошел покупать шаурму. Покушав втроем, они вернулись в бар. Там особо ничего не изменилось, только Шамиль уже сидел один за их столом и пил чай, видно, свежий чайник.

Улыбаясь, он сказал:

– Короче, грузанул я этих телок! В субботу они с нами зажигать будут, еще двух подруг возьмут. Гриня, ключ держи твой.

Гриша отнес ключ Арсену и вернулся. Арсен постоянно смотрел на него с опаской из своего угла. Видно было, как он переживал.

Уйти сразу после того, как поел с недавними знакомыми, было неудобно, и Гриша решил посидеть в баре. За час разговора с ними он убедился, что Натан намного образованнее и умнее, чем показывает. Он хорошо разбирался в экономике и политике и отлично знал историю. Любая тема была ему знакома. Но самое удивительное было то, что он просто читал мысли собеседников! Грише даже страшно стало от этого. Потом он попрощался и пошел в общагу.

Вечером пришел Арсен, стал спрашивать, что да как. Гриша рассказал ему все поверхностно, опустил подробности про экзамен по статистике для ингуша, но в общих чертах упомянул и про это, так как не мог пока понять сути дела. Арсен, как обычно, причитал и говорил, что с этими ребятами дружить нельзя.

Гриша спросил про экзамены, и вот что рассказал Арсен:

– Короче, любой экзамен в институте можно купить, если имеешь связи с преподами! Самый дорогой – статистика. Он стоит четыреста – пятьсот долларов. Экзамен или зачет кроме твоего препода может поставить только заведующий кафедрой этого предмета. В основном

все покупают на первом курсе высшую математику за двести долларов, на втором – теорию вероятности за триста и информатику за двести, на третьем – статистику за пятьсот. Это самые сложные предметы. Есть такие, которые купить просто невозможно, например КСЕ на первом курсе. У Натана язык сто метров, он ходит к преподам, договаривается за сто, сам берет двести. Есть еще несколько человек, кто ставят, но Натан может поставить любой предмет. Я думаю, у него какие-то связи в ректорате, по-другому никак! Все так считают, но он не признается.

Гриша призадумался. Конечно, он не рассказал Арсену про разговор Натана и Маги. Парень не мог понять, в чем же подвох? Что имел в виду Мага, сказав «главное, чтоб не врубились»? Во что там надо врубиться? С этими мыслями он и заснул.

Шла третья неделя ноября. На улице уже лежал снег. Через месяц начиналась сессия, но многие зачеты можно было получить автоматом. Те, кто посещал все семинары и написал курсовую на отлично, могли рассчитывать на благосклонность преподавателя и освобождение от зачета. Гриша на такое не надеялся, а просто учил все, чтобы сдать как положено зачеты и быть допущенным к экзаменам.

После пар он пришел в свою комнату и долго листал учебник. Пора было определиться с темой курсового проекта, который надо было еще успеть написать за месяц. Не найдя у себя методичку по макроэкономике, Гриша решил взять ее у одногруппника, жившего в этой же общаге. Был уже вечер, и он направился на восьмой этаж к Андрею – неразговорчивому ростовчанину, который хорошо учился. Одногруппник жил в 803 комнате, а в соседней громко орала музыка и были слышны голоса, но Гриша не обратил на это внимания. Андрей был дома, он молча кивнул на Гришину просьбу, дал ему методичку, и они попрощались.

В коридоре уже курили пятеро пьяных пацанов, которые вышли из комнаты, где был шум. Четверо стояли вдоль стен напротив друг друга, один сидел на корточках. Гриша спокойно шел между ними, и тут кто-то выставил ногу. Он, не заметив этого, споткнулся и с грохотом упал на пол. Пацаны громко засмеялись. Они были подвыпившие, и им было весело.

Гриша встал, посмотрел в глаза тому, что стоял к нему ближе всех, и, четко выговаривая слова, сказал:

– Тебя что так рассмешило?

Парень, смеясь, ответил:

– Я бы еще раз на это падение посмотрел! А тебе не понравилось? Может, повторим?

И пацаны засмеялись еще громче.

– Ты дебил! Смотри сам не упади где-нибудь, а то последние мозги потеряешь!

Гриша развернулся, чтобы уйти. Он понимал, что они пьяные и им сейчас бесполезно что-то доказывать. Они все были русские и не так принципиальны, как кавказцы, но их было слишком много. Так что парень решил не лезть на рожон, а просто запомнил лицо говорившего с ним, чтобы при удобном случае рассчитаться за оскорбление.

– А ну стой! Ты че, епта, смелый? Кого дебиллом-то назвал, козел?

– Иди проспись, потом придешь, поговорим! Моя комната тысяча сто девятая! – Гриша все равно не собирался сейчас затевать драку, он был уверен, что, когда пацаны протрезвеют, они забудут этот инцидент.

Но парни, видимо, хотели приключений и осмелели от выпитого. Гриша не успел повернуться к ним спиной, как град ударов посыпался ему на голову.

– Сука! Приглашает он!! Кого дебиллом назвал?! Я те поговорю, урод!!

Гриша закрывал лицо руками, но один сильный удар по лицу все же получил. Его сбили с ног и начали пинать кроссовками. По лицу, по голове и по почкам.

– Серег, хорош, ладно те! Колян, ты-то че его lupишь? Оставьте вы этого ботаника сраного! – останавливал друзей один из них.

Они все были достаточно крепкого телосложения, и удары были совсем неслабые. Потом пацаны остановились и, смеясь, ушли в комнату.

Гриша поднялся на ноги и побрел к лифту. На лице зрела пара синяков, голова гудела. В комнате он смочил холодной водой полотенце и приложил ко лбу. К счастью, Арсена не было, а то опять начал бы причитать.

Гриша вышел в коридор покурить, ему было обидно, что он смог выстоять перед кавказцами, а русские его ни за что отметелили, хотя кавказцы были сильнее и злее намного. Сидя на корточках и откинувшись к стене, парень думал обо всем этом. Одной рукой он держал полотенце, а другой сигарету.

И тут услышал знакомый голос:

– Что случилось? Кто тебя рубанул?

Подняв голову, он увидел перед собой Натана. Сердце Гриши сразу наполнилось какой-то теплотой, как будто он увидел родного человека.

– Привет, Натан! Да... ничего страшного... так получилось просто, – Гриша встал, пожал руку Натану.

– Так не бывает! Кто и за что? Рассказывай быстро! Подробности можешь опустить! – лицо парня оставалось спокойным, но губы угрожающе поджались.

Натан был ростом как Гриша, но по его телосложению было видно, что он далек от спорта, а те ребята, что побили Гришу, были далеко нехилые. Натан был стройный, руки тонкие, но по самоуверенному взгляду было видно, что он не робкого десятка.

Когда Гриша рассказал все, Натан ухмыльнулся и сказал:

– Хорошо, я поднялся к пацанам, тебя увидел в коридоре. Ладно. Вставай, пошли.

– Куда? – удивился Гриша.

– На восьмой этаж! – и он двинулся в сторону лифта.

– Вдвоем? – изумленно спросил парень. – Может, кого-то еще возьмем? А вообще какой смысл туда идти? Они бухие все!

Натан твердо посмотрел Грише в глаза и тихо сказал:

– Брось нахрен свое полотенце и пойдем со мной!

В комнате на восьмом этаже музыка орала уже не так громко. Натан пнул дверь, и они вошли. За столом сидели те ребята и две девушки, все поддатые. Они с удивлением посмотрели на Натана и Гришу. Дагестанец сразу начал на них кричать, причем с такой смелостью, будто за ним стояла армия.

– Ну, че, черти? Беспределом занимаетесь? Попутали берега совсем? – подойдя к тому, что сидел ближе, Натан взял его за волосы и повернул лицом к себе. – Что, чмошник? Одного пацана толпой решили рубануть? А? Чертила! – и, сильно стукнув его лицом об стол, отпустил.

Остальные молчали, оторопев от изумления. Одна девушка завизжала.

– Заткнись, шмара!¹⁷ – крикнул Натан.

Наконец они опомнились, и парень, который подставил Грише подножку, наверное, самый смелый, оценив ситуацию – их все-таки больше, с пренебрежением сказал:

– Че тут пришел права качать, хач? Смотри, и тебя отбучаем! Вали отсюда, пока цел!

Видимо, он придал остальным храбрости, и они все вместе засмеялись, выкрикивая:

– Вали давай, чурка!

– Сейчас, как дружка твоего, затопчем!

Через секунду Натан схватил со стола почти пустую бутылку водки «Гжелка» и со всего маху ударил ею по голове заводиле. Разговоры оборвались. Все в ужасе смотрели на парня, потерявшего сознание. Голову оцарапали осколки, и струйка крови текла по его лицу. Девушки прижались друг к другу, тихо плача.

Натан ухватился за конец скатерти, дернул ее, с шумом скинув все, что лежало на столе, прямо на сидевших на кровати ребят. Скрутив скатерть в некое подобие веревки, он накинул

¹⁷ Шмара – девушка легкого поведения (жаргон).

ее сзади на шею другому парню и стал затягивать у него на горле. Остальные, выпучив глаза, с ужасом смотрели на происходящее.

Натан же, твердо выговаривая каждое слово, произнес, обращаясь к ним:

– Значит так! Этого пацана зовут Гриша! Он живет на одиннадцатом! – он затянул скатерть потуже. Парень, которого душили, покраснел и с хрипом кашлял, а Натан продолжал: – Если где-то кто-то тронет Гришу, нашего кента, я к вам приду уже не один! И тогда вы увидите небо в алмазах! Черти! Вы поняли, с кем имеете дело? – в этот момент он был похож на маньяка.

Сидевшие на кровати двое парней закивали в знак согласия, не отводя глаз от друга, которого Натан душил.

Выпустив из рук скатерть и пнув сидевшего на стуле с окровавленной головой парня, дагестанец повернулся к двери и, бросив на ходу:

– Гриня, пойдем! – спокойно вышел из комнаты.

Они молча поднялись на свой этаж и вместе зашли в комнату 1105. Там на кровати, поджав под себя ноги, сидел Мурик и что-то читал в тетради.

– Салам, Мурик! – поздоровался Натан.

– Ва-алейкум салам! – ответил тот. – Гриня, как ты, вацако?

– Нормально.

– Че с лицом? – Мурик вскочил с кровати. – С кем кипиш?

– Да все хорошо, уже наказали мы их, – успокоил его Натан и вкратце рассказал, что произошло.

Мурик стал возмущаться:

– Почему меня не взял? Я им всем башку разбил бы!! Вот ты внатуре, Натан! – он даже обиделся.

– Вот поэтому тебя и не взял! – Натан улыбнулся. – Чай замути нам лучше, Мурик. Садись, Гриня.

Гриша только теперь начал осознавать, что произошло. Натан, который физически был слабее его и каждого из тех пятерых, за пару минут просто уничтожил морально всю их компанию, а физически – троих из них.

Гриша думал об этом, а Натан, как обычно, прочитав его мысли, улыбнулся и спросил:

– Гриня, о чем думаешь? О тех лохах?

– Да, я просто в шоке! Ты их уничтожил. Один.

– Я тебе сейчас одну притчу расскажу, и ты все поймешь, – Натан взял чашку чая и устроился на кровати. – Стая волков пошла на охоту, в лагере остались только старый волк и щенки. Вернулись они с хорошей добычей и без потерь, только пара царапин была у кого-то. Старый волк спросил: «Кого задрали?» Молодой вожак ответил: «Нам попались десять охотников, мы их окружили, напали и задрали». Прошло время, и опять волки отправились на охоту, старый же остался в лагере. Но вернулось их очень мало. Большая часть погибла на охоте, а те, кто вернулись, были ранены и все в крови. Добычи не было. Старый волк удивился: «Что случилось? На кого вы напали?» Молодой вожак с горечью сказал: «Мы подкараулили троих друзей на пикнике, как обычно, окружили их и напали. Но они так дрались, что мы с трудом спаслись. Я не пойму, почему десятерых охотников мы задрали с легкостью, а троих друзей не смогли?» Старый волк ему ответил просто: «Потому что это были охотники, просто знакомые, каждый думал только о себе, а те трое были друзья, готовые друг за друга отдать жизнь».

Натан замолчал. Мурик с задумчивым лицом сказал:

– Порвали волков, внатуре!

Гриша и Натан громко рассмеялись, а Мурик не мог понять, над чем они смеются.

Успокоившись, Натан сказал:

– Я понимал сразу, что эти лошки максимум одноклассники. Даже если они и считают себя друзьями, таковыми не являются. У русских вообще понятие дружбы отличается от кавказского. У нас это братство, у вас же одно только название, и то за бутылкой. Это первое, а второе то, что толпой побить одного могут только трусы. Ясно было, что это пять трусливых лохов, имеющих смелость побить только одинокого прохожего. Вот и все, – он хитро улыбнулся и спросил, – я ответил на все интересующие тебя вопросы?

– Не на все! – смело сказал Гриша.

Натан удивленно вскинул брови:

– А что еще тебе интересно?

– Зачем тебе за меня идти с кем-то на разборки? Мы едва знакомы. Может, я тебе для чего-то нужен? – глядя прямо в глаза Натану, спросил Гриша.

ЧАСТЬ 2

В V–VII веках на Северный Кавказ, а если быть точнее, в Южный Дагестан, из Персии переселились евреи, которые еще в Иране переняли язык небольшого племени татов. Язык был схож с фарси, а племя татов растворилось среди азербайджанцев и иранцев. Евреи же, живя среди горцев Дагестана, переняли очень много их традиций, национальные костюмы, кухню, танцы, тем не менее, остались верны своей вере, предпочитая браки исключительно внутри своей общины.

С приходом советской власти этих евреев стали называть «горские евреи», но в документах они были записаны как «таты». Они являлись одной из восьми основных национальностей Дагестана, хотя исповедовали иудаизм. Сформировалось несколько крупных общин, самые большие в Дербенте и Нальчике, меньше – в Махачкале, Хасавюрте, Грозном. Там было много цеховиков, виноделов и заготовителей. Также горских евреев много жило в Азербайджане, они в основном занимались торговлей. Диалект и образ жизни у них немного отличался от сложившихся в северокавказских общинах, но все равно это была одна нация.

После распада СССР многих зажиточных евреев начали донимать рэкетиры из числа дагестанцев и балкарцев. В 1992 – 1995 годах большая часть горских евреев уехала в Израиль, США и Германию. Из тех, кто остался в России, почти все покинули Кавказ и переехали в Москву. Со временем они заняли в столице сильные позиции в бизнесе и торговле за счет своей сплоченности, присущей как евреям, так и кавказцам. Конечно же, сыграло роль и наличие еврейской хитрости и живого ума, что во все времена возводило эту нацию на вершины в любой области. Представители горских евреев были известны также в самых верхних эшелонах власти преступного мира. Это были выходцы из Баку, Дербента и Махачкалы, среди которых были и воры в законе, и просто авторитеты.

Адам Евдаев родился в Дербенте, в семье горских евреев – обычного рабочего и телефонистки. С детства он был очень несдержанным и дерзким хулиганом. Имея хорошие физические данные, Адам постоянно влезал в драки. Женившись в двадцать пять лет на девушке своей нации из приличной семьи, он устроился работать на коньячный комбинат экспедитором. Через пять лет, в 1981 году, имея двоих детей – четырехлетнюю дочь Анжелику и двухлетнего сына Натана, он решил попытать счастья в Москве. Молодая семья скиталась по съемным квартирам почти семь лет, пока отец перебивался с одной работы на другую, таксуя и разгружая грузовые машины.

С началом перестройки в Москве появилось множество кооперативов и много желающих их ободрать рэкетиры. Встретив случайно на Рижском рынке своего армейского друга, махачкалинского аварца, занимающегося сбором податей с торговцев, Адам не стал долго думать и примкнул к нему. Через пару лет он привез молодых дерзких дагестанцев с родины и сколотил свою бригаду. Бригада занималась рэкетом, выбиванием долгов, крышеванием мелких коммерсантов. В 1991 году у него уже была первая этническая ОПГ, состоящая из дагестанцев, и дела пошли по крупнее.

Имея тесные связи со своими единоверцами европейского происхождения, Адам нашел через них очень прибыльный в то время способ финансовых махинаций – воровство бюджетных денег. Называлось это тогда «авизо» и было очень популярно среди чеченских ОПГ. Его коллеги-евреи были представителями одной из исконно московских группировок и кавказцев на дух не переносили. Но общая религия и перспектива сорвать хороший куш сыграли свою роль, и, объединив силы, они все-таки провернули дело.

В феврале 1991 года Адам получил долю наличными около пяти миллионов рублей, что тогда было просто сумасшедшей суммой. В Москве к тому времени он уже являлся крупным авторитетом, и его слово имело вес в криминальном мире. Несмотря на все это, дагестанцы,

имевшие крутой нрав, все же крепко поругались с московскими бандитами. А скандал в таких кругах в те времена сопровождался рядом убийств.

Натану тогда было четырнадцать лет. Он был тихим, спокойным ребенком из богатой семьи крутого бандита. Ему всегда были присущи скромность, сдержанность и фантастическая память. В школе учиться ему было просто неинтересно, он запоминал целые параграфы наизусть. А вот художественная литература была ему по душе. Он читал все, что попадалось под руку.

Это случилось 21 апреля 1992 года, часа в три ночи. Натан спал в детской комнате, сестра была у бабушки в Дербенте, мать отдыхала в своей спальне. Отец обычно приходил поздно либо вообще утром. Внезапно раздался звонок в дверь. Натан проснулся и услышал страшные слова.

– Софа, быстрее, воду возьми, Адама подстрелили, он лежит у подъезда, – скороговоркой проговорил сосед-осетин.

Натан в панике вскочил с кровати и выбежал в холл, с разбегу обняв мать. Бедная женщина, плача, налила бутылку воды и побежала к лифту. За ней неся Натан.

– Он в сознании? – спросила она.

– Да, – ответил сосед. – Его киллер под сердце подстрелил. Я увидел случайно, сам только приехал, смотрю, он лежит... в чувство его привел...

Они выбежали на улицу, там уже стояли милиционеры, и собралась толпа зевак, несмотря на ночное время. Отец Натана лежал возле своего проезжающего «Феррари-348» с распахнутой дверью.

Натан с матерью подбежали к Адаму и, плача, стали обнимать его. В области сердца на кремовой рубашке виднелось пятно крови. Он тяжело дышал. Адам посмотрел на них, и в его глазах блеснули слезы.

– Сыночек... – тихо сказал он.

– Папочка, мой родной... – Натан прижался к отцу и стал рыдать. – Ты не умрешь, папочка! Ты не можешь нас оставить!

– Адик... – плакала мать, тоже обнимая его. – Кто это сделал? Чу сохум, гу?¹⁸

– Прости меня, Софа... – его глаза были полны слез. – Я не знаю! Из кустов стреляли... я запутался... ничего не успел... – он уже терял сознание.

Натан увидел это и завопил:

– Не-е-ет! Папочка... Ты не умрешь! Мой папочка... Нет, нет!!

Подъехала скорая помощь. Софа подбежала к машине.

– Я вас прошу, быстрее! Я заплачу много денег, только спасите его!

Она держалась очень мужественно.

Врачи молча подняли Адама на каталку и завезли ее в машину.

Софа села на корточки, обняла Натана и сказала:

– Зайди домой, закрой все двери. Слушай меня внимательно! Соберись, сынок! Не переживай, папа жив! Позвони сразу же... Ой, Худо!¹⁹ Кому же звонить... Звони дяде Володе! Он его брат, точно не предатель! И тете Бэлле набери сразу же. Я из больницы тоже позвоню ей, они с Тимуром рядом живут, сразу придут к тебе! Максимум двадцать минут ты один будешь. В глазок посмотришь, им откроешь! Больше никому! Понял?

– Да.

Софа села в «скорую». Натан побежал домой. Поднявшись в квартиру, он закрыл двери на все замки. Собрался с мыслями, взял себя в руки. Натан думал о том, что могут прийти добить и его. Это было обычной практикой у бандитов с Кавказа. Чтоб потом не отомстил.

¹⁸ Что мне делать, скажи? (Перевод с татского языка).

¹⁹ О Боже! (Перевод с татского языка).

Он не включал свет. Достал из отцовского тайника в туалете большой тесак, как в фильме «Рэмбо». Потом взял радиотелефон «Панасоник» и залез под стол на кухне. Напротив висели часы, они показывали 3:27. Натан набрал номер маминой близкой подруги детства, Бэллы, муж которой, простой строитель, был двоюродным братом отца. Они жили через два дома от них, в семи минутах ходьбы.

После долгих гудков на том конце провода ответил сонный голос тети Беллы:

– Алло.

– Тетя Бэлла! Это Натан.

– Натанчик!? Что случилось, сынок?

– Папу подстрелили возле дома, мама в больнице... – слезы наворачивались на глаза, но он проглотил их и твердо продолжил: – Мама сказала вам позвонить, чтоб вы пришли.

– Да ты что?! А где Софа?

– В больницу со «скорой» поехала, я же говорю, я один.

– Один? А вдруг... О Господи... Никому не открывай, понял?

– Да, конечно. Вы придете?

– Придем, сынок! Не бойся ничего. Тихо сиди, главное! Вове позвонил?

– Сейчас позвоню.

– Скажи ему, пусть охрану пришлет к тебе.

– Хорошо, – сказал Натан и повесил трубку.

Что-то не понравился ему голос тети, но времени анализировать ситуацию не было. Натан начал набирать номер дяди Вовы. Благо ему достаточно было пару раз сказать номер, чтобы он его запомнил.

Дядя Вова по кличке Хищник, двоюродный брат отца, был довольно авторитетным преступником. Он был тесно связан с Адамом, но держался в стороне от группировок и рэкета. Хищник дважды сидел в тюрьме и был без пяти минут вором в законе, а жил за счет взгребов от различных ОПГ, за то что «разруливал» ситуации в разборках «по понятиям». Причем «разрулить» он мог в любую сторону в зависимости от того, кто больше заплатит. Он был старше Адама на десять лет.

– Алло, – услышал Натан голос дяди Вовы.

Тот явно не спал, были слышны другие голоса.

– Дядь Вова, здравствуйте! Это Натан. У нас беда...

– Что случилось? – спокойно спросил он.

– Папу подстрелили... Он в больнице. Мы не знаем, кому звонить...

В трубке была тишина.

Натан продолжал:

– Мама сказала вам позвонить и...

Разъединилось. Натан набрал снова. Трубку не снимали. Он отключил телефон, подождал три минуты и позвонил опять, не понимая, что там произошло. Может, рядом кто-то, при ком нельзя говорить?..

На этот раз он услышал в трубке другой голос, а на фоне была тишина.

– Аллю.

– А дядю Володю... будьте добры.

– Кто это?

– Это Натан, Адика Дербентского сын! – гордо сказал мальчик, назвав отца, как его называли в блатных кругах.

– А-а-а, сынок! Как поживаешь? Это дядя Мераб, помнишь меня?

– Не помню, – сказал Натан, хотя прекрасно помнил, дважды видел его.

Худой, весь в наколках, некто Мераб Гудаутский был явным наркоманом и вечно крутился рядом с дядей Володей.

– Как не помнишь, слушай? А что случилось, сынок? Что так поздно звонишь?

– Мне дядя Вова нужен! – стоял на своем Натан.

– Он в туалет вышел, скажу ему, перезвонит тебе, родной. Так что стало? Папа как?

Натан решил, что ничего ему не скажет, и бросил трубку. Мысли в голове мальчика проносились одна за другой. Что значит «вышел в туалет»?.. Это же бред! Зачем он выспрашивает все? Очень подозрительно! Скорей бы тетя Бэлла пришла...

Но никто не приходил. И не перезванивал. Натан сидел под столом, нож лежал рядом. Ему казалось, что все это сон. Сжимая руки у подбородка, мальчик молил Бога, чтобы можно было быстрее проснуться. Но время шло, а он не просыпался... Каждая минута тянулась вечность. Это был не сон...

В 5:17 завибрировал телефон, Натан сразу ответил:

– Да!

– Сынок... – он услышал слабый голос матери, и из его глаз снова хлынули слезы.

– Мамочка... Что с папой? Как ты там? Я с ума сошел тут уже...

– Бэлла где?

– Не пришла еще... Да черт с ней! Что с папой?

– Сынуля... Все плохо. Он жив... еще. Ты должен держаться и помочь мне. Родной мой... – мать зарыдала. – Ты сильный мальчик...

– Конечно, мамочка... Что сделать? Говори. Я в порядке!

Мать собралась с силами и слабым голосом сказала:

– Звони в Дербент своей бабке. Скажи, что Адик в больнице, но не говори, что стреляли... Скажи, почки! Пусть первым рейсом летит сюда! Потом набери в Махачкалу. На тумбочке у меня записная книжка, там есть номер «Сабина Махачкала». Звони туда, попроси Заура, ты его знаешь, друг близкий папин, все ему расскажи. Понял?

– Конечно, мамуль! Все сделаю сейчас.

– Я через час приеду, сынок... Главное, держись, мой родной! Дверь – ни единой душе!

– Да, мамочка. Ты не переживай за меня, я справлюсь...

Натан все сделал, как сказала мама, в течение пятнадцати минут.

В 6:39 дверь открылась, и вошла Софа.

Натан стал ее обнимать:

– Мамочка!

Вслед за ней вошли друзья отца, дагестанцы. Их было трое, Натан их всех знал. Они уважительно отошли назад, убедившись, что в квартире все нормально.

Один из них сказал:

– Софа! Мы внизу будем стоять, возле подъезда, а Хабиб на этаже у лифта на всякий случай.

– Да, спасибо, ребята, – устало сказала мать.

Потом все происходило как в фильме «Крестный отец». Молодые дагестанцы охраняли семью Адама в больнице и дома. Во дворе стояло пять машин с людьми, все иномарки. Бабушка прилетела вместе с другом детства отца, Зауром, у которого была одна из самых сильных ОПГ в Махачкале. С ними были еще четверо мордоворотов.

Судьба Адама уже была решена. Сколько он проживет – вопрос нескольких часов. Всего одна пуля со смещенным центром разорвала почти все органы и ушла в позвонок. Не задето было только сердце, поэтому Адам еще дышал, но жизнь его поддерживали аппараты.

Весь день приходили и уходили люди, в основном криминальные авторитеты. Больше всех Натану запомнился один красивый высокий парень лет тридцати трех. Он был одет в замшевый пиджак и держался с большим достоинством.

Этот парень вошел в комнату, где сидел Натан с мамой, и очень вежливо стал задавать Софе вопросы:

– Вы меня извините, а вы не в курсе, откуда он ехал ночью?

– Да он мне разве говорил что-то? – устало ответила женщина.

– Вы знаете, это очень важно на самом деле. Последние два-три дня где он бывал? – парень говорил грамотно и без акцента, хотя видно было, что он нерусский, но кто именно, определить было сложно.

Софа печально посмотрела на него и спросила сквозь выступившие слезы:

– Какое это теперь имеет значение? Он умирает уже...

Мужчина, видно, от души жалея их, сел на корточки перед женщиной, взял Натана за руку и, глядя Софе прямо в глаза, сказал:

– Меня зовут Даник, я родом из Махачкалы, но сейчас в Пятигорске живу. Освободился год назад... – потом, к удивлению Софы и Натана перейдя на горско-еврейский язык, продолжил: – Я приехал пригласить Адама и вас на свою свадьбу... А тут... – он достал из кармана бумажку с номером телефона и дал Софе. – Я знаю, что сейчас не время, но возьмите мой телефон. В любое время дня и ночи звоните, я всегда помогу! Вам нужна будет помощь, поверьте мне! Извините еще раз, что докучаю вам в такой момент, – и ушел.

Софа, естественно, не обратила внимания на этого человека, да и Натан вспомнил о нем лишь спустя пять лет.

В одиннадцать вечера зазвонил телефон. Софа взяла трубку. Через две секунды она выронила ее из рук и сказала то, что перевернуло жизнь многих людей:

– Умер...

Натан закричал:

– Не-е-ет! Папочка... – он подбежал к маме.

Софа без сил села на диван. Натан обнял ее.

– Мамочка... Пожалуйста, только держись! Мамочка...

Она плакала и тоже его обнимала:

– Что же мы будем делать, сынок? Одни...

– Не переживай, мамочка, я вас с Анжелой не дам в обиду! Я пойду работать!

В квартире стоял плач. Бабушка, ее звали Эстер, уже вовсю кричала, била себя по лицу и рвала на себе волосы. Натан сильно переживал за мать. Бабушка постоянно давила на нее, к тому же прилетели две старшие сестры отца, которые тоже не жаловали невестку. Натан понимал, что от матери отходить нельзя, если вдруг что, он в обиду ее не даст.

Ночь была просто адская, никто не спал. Все куда-то уезжали, приезжали, звонили. Брат отца, дядя Володя, так и не появился, причем Натан его больше никогда не видел. Хищник боялся, что и его постигнет та же участь, что и Адама, поэтому уехал в Израиль. Тетя Бэлла с мужем, двоюродным братом отца, только с другой стороны, то же не появились. В следующий раз Натан их увидел лишь через два года. Они просто испугались прийти ночью к Натану. Когда мальчик понял это, ему стало тошно и противно от трусости и низости людей.

Утром через депутатский зал аэропорта «Внуково» повезли тело отца. Специальным чартерным рейсом летели еще человек тридцать, включая Натана, его маму, бабушку и приближенных Адама. У иудеев, как и у мусульман, хоронить принято сразу, до захода солнца. Но если необходимо перевезти тело, можно задержаться максимум на три дня.

От аэропорта в Махачкале сто километров до Дербента ехали кортежем. Когда подъехали к дому, у Натана потемнело в глазах от увиденного. Ворота их частного дома были распахнуты, большой двор весь был застелен коврами, на которых сидели женщины всех возрастов в платках. Их там было не меньше сотни, и почти все они плакали, причитали на горско-еврейском и выли, а сестры отца, его тетки, и некоторые другие близкие орали диким криком и рвали на себе волосы. Это было кошмарное зрелище. Натан рос в Москве и никогда не видел такого. Он искал глазами сестру, но не мог найти ее. Вдоль всей улицы стояли лавки, на них тихо сидели

мужчины. Головы у них тоже были покрыты. Кто в плоской широкой кепке, кто в папахе, кто просто положил платок на голову.

Дальше все происходило как в страшном сне. Плач, крики, похороны. Народу было столько, что улицы перекрыли, и машины не могли проехать. Дербентская еврейская община лишилась на тот момент самого сильного криминального авторитета, благодаря которому многих еврейских цеховиков не трогали группировки из соседних городов.

Жизнь Натана поменялась в один миг. Он как будто проснулся, стал обращать внимание на то, кто из взрослых как себя ведет, постоянно думать, как жить дальше, что теперь будет с ними? Но твердо мальчик знал одно: надо возвращаться в Москву! Сразу, как представится возможность. Родственники отца всячески унижали и постоянно оскорбляли мать Натана. Будто она была виновата в смерти Адама. Заступиться за нее было некому. В ее семье все были скромные и тихие, избегали конфликтов и боялись собственной тени. Натан старался быть рядом с мамой. При нем ее никто не обижал. Хоть он и был еще ребенком, но, когда его глаза вспыхивали гневом, даже взрослые не хотели с ним связываться. Адама все боялись за его крутой нрав, а Натан внешне был очень похож на отца, и люди понимали, что мальчик скоро вырастет, а кем он станет, неизвестно.

Натан пошел учиться в дербентскую школу и сразу попал в круг самых уважаемых хулиганов. Он познакомился с кавказскими понятиями и традициями. Конечно, воспитание мальчиков на Кавказе сильно отличалось от русского, но Натан воспитывал себя сам. Он много читал и анализировал каждую ситуацию, находя правильное решение.

Прошло одиннадцать месяцев, ему было уже пятнадцать лет, но если внешне Натан повзрослел на год, то интеллектуально – на все десять лет. Его рассуждения о жизни часто повергали взрослых в шок.

После годовщины смерти, точнее одиннадцати месяцев, – иудеи поминают так – Натан вечером зашел к маме в комнату поговорить.

– Мама, мы теперь можем вернуться домой!

– Да, сынок. Но что мы там будем делать? – мать обняла его и печально улыбнулась.

– Мы придумаем что-нибудь, но тут нельзя оставаться, бабушка с тетками тебя скоро съедят! Поедем в Москву!

– Сынок, все деньги у бабушки Эстер. Она, чтобы не пропали, купила три дома и кучу бриллиантов. Неужели ты думаешь, что она нам что-то отдаст?

– А у нас что, совсем ничего нет? У нас есть две машины в Москве! Продадим их...

– Адик за неделю до смерти принес двадцать тысяч долларов, они дома спрятаны. Но про это молчок! Даже Анжеле не говори пока. Это все, что у нас осталось.

– Вот! Уже что-то! Мамуль, надо бежать отсюда. Анжела, если хочет, пусть остается пока тут, она теток любит, но нам надо уехать! – Натан говорил очень решительно, по-взрослому.

– Хорошо, сынок, я поговорю с папой, он поможет! Спасибо тебе, мой родной, – Софа крепко обняла сына.

Отец Софы был уважаемый в городе, очень благородный и порядочный хозяин самого большого в Дербенте коммерческого магазина. Он зарабатывал неплохо и был в состоянии иногда помогать дочери деньгами. Через два дня Софа с Натаном вернулись в Москву. Анжела решила до сентября остаться у бабушки.

Первая половина девяностых в России была очень сурова. Москва захлебывалась от разгула преступности, убийств и разборок. Софа отдала часть денег под проценты и потихоньку жила. Ей также финансово помогал ее отец, первое время помогали и некоторые друзья Адама. Но через год все друзья исчезли. Кого-то убили, кого-то посадили, а большинство просто забыли про Софу и ее детей. Нет человека – нет и его семьи.

На похоронах многие плакали и клялись, что никогда не оставят детей Адика... Но, к сожалению, это были всего лишь слова. Да что там друзья, родная бабушка не отдала ни

копейки внукам. Ее дочь, тетя Натана, тоже вдова с двумя детьми младше Натана на несколько лет. Вот к ней постепенно и утекли все деньги, за которые Адам положил свою жизнь. Наверняка он не думал, что его дети будут нуждаться, в то время как другие родственники будут тратить то, что не принадлежит им по праву.

Но жизнь пошла иначе, и Натан сначала стал курить сигареты, потом баловаться анашой. Он попал в криминальную компанию в районе, где они жили, увидел дно жизни. Тусовался в подвалах, дружил с наркоманами, но сам ограничивался только анашой. После возвращения в Москву Натан бросил школу и пошел с друзьями воровать дубленки и шубы на вещевом рынке, грабить магазины, мухлевать в карты и разводить богатых лохов на деньги. У него был очень хорошо подвешен язык. Богатый словарный запас и удивительная способность входить в доверие к людям не раз выручали его. Натану несильно нравилась такая криминальная жизнь, но судьба почему-то постоянно толкала его именно на эту дорогу. В те годы честно заработать было очень тяжело, а мать не работала, и сбережения заканчивались. Дед помогал, но этого хватало только на еду.

В шестнадцать лет, когда бывшие одноклассники получали в школе аттестаты, Натан решил все-таки встать на другой путь. Он купил в Дербенте аттестат средней школы и, как истинный еврей, пошел учиться в вуз. Его одноклассник и друг, армянин Арман, который держался в стороне от криминала, но был, пожалуй, самым близким другом Натана, поступил в Московский институт экономики. Натан пошел с ним вместе. Денег на год обучения ему хватило, он оплатил первый курс, и его зачислили на специализацию «Мировая экономика».

Став студентом, Натан сразу с головой окунулся в учебу. Через неделю он зашел с Арманом в бар на балконе и там встретился с дагестанцем Шамилем. Их познакомил одноклассник Натана, абхаз Астамур, который за первые два дня узнал всех завсегдатаев бара. Шамиль прилетел в Москву на соревнования по вольной борьбе. В самолете он познакомился с земляком, который учился на пятом курсе, и приехал с ним в институт, чтобы просто убить время. А тут было столько девчонок, так весело, что он уже неделю тусовался в баре. У Шамиля в Москве жила старшая сестра с мужем, он остановился у них. Каждый день говорил, что едет на тренировку в ЦСКА, а сам отправлялся в институт охмурять девушек. Шамиль был на год старше Натана, ему было семнадцать.

Через три минуты общения с Шамилем Натан уже мог дать ему полную характеристику. Аварец по национальности, Шамиль был типичным представителем этого горского народа. Физически сильный от природы, плюс еще и спортсмен, абсолютно бесстрашный, но просто до безумия впадающий в крайности, он очень любил своих близких, родных и друзей. Настолько, что готов был поставить свою жизнь на карту ради них. А к людям незнакомым, с которыми он часто просто ради развлечения влезал в драки, Шамиль был настолько жесток, что порой казалось, что он маньяк. К Натану он относился по-братски с первого же дня.

Будучи очень проницательным, умным и имея хорошее чувство юмора, Натан сумел расположить к себе и других земляков. Для городских дагестанцев, преимущественно из Махачкалы, не было особой разницы, какой именно ты нации, если ты земляк. В Дагестане жили тридцать шесть национальностей, восемь больших, остальные мелкие. И, как правило, рядом с другими народами они все считали друг друга братьями.

Конечно, горские евреи, или, как их называли, таты, всегда держались в стороне, учитывая их вероисповедание. А в девяностые годы мусульмане Кавказа стали более религиозны, чем представители прошлого поколения, выросшие в социалистической стране, и евреи с учетом политического конфликта Израиля и арабских стран, как правило, были для них врагами. Но городские даги внимания на это не обращали.

Находясь в Москве среди стольких народов, таты были такими же дагестанцами, как аварцы или даргинцы. А про религию с ними никто и не говорил особо. Для окружающих – чеченцев, осетин, армян и других кавказцев – тем более разницы не было. Они вообще не раз-

личали народы Дагестана, для них все были одинаковы. Так что Натан занял свою позицию в так называемой общине дагестанцев в институте, которых всего насчитывалось от семи до десяти человек учащихся одновременно.

Чеченцев с ингушами было раза в два больше, около двадцати человек. Они были дагестанцам братским народом, тем не менее тусовались отдельно. Также было пятеро осетин, которые вроде дружили со всеми, но ближе всех держались с адыгами. Адыгов же – это кабардинцы, черкесы, абазины и абхазы, было человек восемь. Было еще несколько карачаевцев, но они растворились в чеченской тусовке.

Все это была одна большая компания молодежи, выходцев с Северного Кавказа. У них бывали между собой разборки и разногласия, но, если кто-то появлялся со стороны, они собирались вместе, в один кулак, без разговоров. А вот представители Закавказья, точнее, армяне и грузины, были многочисленны, но не так дружны: несколько компаний по десять – пятнадцать человек, которым было глубоко наплевать на своих земляков.

Первый курс Натан проучился, посещая большую часть занятий. Он, конечно, уже знал почти всех кавказцев, но старался ограничивать свое общение с теми, кто предпочитал бездельничать. В основном это были сыновья или племянники весьма состоятельных людей, которые жили в свое удовольствие, зная, что завтра у них все будет хорошо.

На втором курсе приключения все-таки нашли Натана.

В первую же неделю учебы в баре к нему подошел Шамиль:

– Натан, салам алейкум! Дело есть, брат!

– Ва-aleyкум салам! Да, конечно, – Натан встал из-за стола.

Отойдя в сторону, Шамиль тихо заговорил:

– Короче, есть тема капусту заработать!

Натан сразу понял, что криминал, тем не менее утвердительно кивнул, давая понять, что готов выслушать.

Шамиль заговорщицки улыбнулся и продолжил:

– Короче, я с Махачкалы ствол привез, Макаров с глушаком... на автобусе...

– И? – Натан пока не понимал, чего тот хочет.

– Давай пихнем его кому-нибудь!? Че скажешь?

– А в чем тема? Продать ствол?

– Ну да! Я его там за двести баксов купил у солдат из Чечни. А тут он баксов семьсот, говорят, стоит! Я просто не знаю, как лучше замутить. А ты в Москве многих знаешь. Че там и как... Ну, короче, придумаешь... Бабло запилим пополам.

Натан задумался. Предложение, в принципе, было интересное. Но надо было все обмозговать.

Он ответил:

– Шама, дай мне время до завтра. Я подумаю, завтра решим. Хорошо?

– Да, базара нет!

– Только, по-братски, ни единой душе ничего не говори. Что со мной про это общался и вообще...

– Да не, братан, ты че! Я тебе первому сказал.

Натан ушел на пару. Он не слушал лекцию, а прикидывал возможные варианты. Деньги ему сейчас были очень нужны. Пора было платить за обучение. Конечно, двести-триста долларов его бы не спасли, но все же это нормальная сумма. С Шамилем дело иметь можно, он парень при понятиях, к Натану относился от души. Не жадный. В общем, нормальный партнер. Можно было попробовать продать ствол по старым каналам, хотя так не хотелось к ним возвращаться. Натан отошел от всех и не хотел больше лезть в криминал. Но продать ствол, разок заработать... Почему бы и нет? У него внезапно родилась идея: надо предложить его пацанам

в общагах РУДН. Там рассадник кавказцев, негров, индусов, и все просто кишит бандитами, наркотой и другими грязными делами.

Вечером Натан уже выходил из метро возле РУДН. Дойдя до студенческого городка, он повернул к трехэтажным зданиям общежития. Там жил один его старый друг из Дербента, тоже тат, звали его Руслан, он учился в РУДН на четвертом курсе и знал в университете все и всех. Натан с уважением относился к нему, Руслан был очень достойный, честный парень, про таких говорят: настоящий мужчина.

Натан зашел в маленькую комнатку с двумя кроватями и столом. На кровати лежал Руслан, он, видимо, спал, но, услышав, как открылась дверь, проснулся.

– Какие люди! Натан, привет, братка!

– Привет, Русик! Не обессуди, разбудил тебя, – сказал Натан, обнимая друга.

– Да ерунда! С пар пришел, вырубился чуток. Садись. Кофе замучу тебе!

– Спасибо. Сосед где твой?

– Ушел куда-то со своими земляками-адыгейцами. А че? Нужен тебе?

– Нет. Просто разговор есть к тебе один. Секретный! – подмигнул Натан.

Руслан стоял возле электрочайника и ждал, пока он закипит.

– Говори, братан! Я слушаю!

– Скажи мне, тут ствол можно кому продать, без палева, надежным людям? – без преди-

словий прямо спросил Натан. С таким видом, как будто он про булочки спрашивает.

У Руслана чашка чуть из рук не выпала:

– Натик! У тебя вечно такие темы опасные!

– Да что тут опасного? Просто есть ствол чистый. Почему бы не заработать? – Натан улыбнулся.

Руслан протянул ему кружку с кофе и, держа такую же в руке, сел на кровать напротив.

Отпив глоток, серьезным тоном сказал:

– Я думаю, есть кому предложить. Но это, конечно, стремновато... Чтобы потом нить в случае чего на нас не вывела.

– Братан! Какая нить!? О чем ты говоришь!? Если это не маньяк или какой-нибудь религиозный фанатик, мусорам плевать, откуда ствол! Я точно тебе говорю!

– Ну хорошо! Сейчас кофе допьем и сходим.

– Ты хоть скажи к кому? Как разговор вести? Блатные или отморозки? Русские?

– Нет. Не русские. И не блатные... Просто бандиты...

Натан улыбнулся:

– Ты в своем репертуаре! «Просто бандиты»! Как будто это «просто шахтеры»! Кто такие
хоть?

– Карачаевцы. Я знаю, они промышляют грабежами.

У Натана улыбка слетела с лица.

– Карачаевцы... Они опасные, страха вообще не имеют. Хуже аварцев, – призадумавшись, он добавил, – но нам какая разница!? Допил кофе?

– Да. Пошли.

– Только, Русик, ты познакомь, тему скажи, а дальше я сам, хорошо?

— Да, конечно. Мне оно и не надо.

Они поднялись на третий этаж. Руслан постучал в дверь одной из комнат.

Им открыл симпатичный высокий черноволосый парень с карими, чуть зауженными глазами:

– О! Руслан! Салам алейкум! Заходи, братуха!

Руслан обнялся с ним:

– Ва-алейкум салам! Это мой братишка! – показал он на Натана.

– Азрет! – протянул парень руку.

– Натан!

– Проходите в наш коттедж! – пошутил карачаевец.

Они улыбнулись и зашли. В комнате, такой же, как у Руслана, сидели напротив друг друга еще два парня.

Один из них, с проседью, хитрым взглядом, тоже чуть узкими глазами, в спортивном костюме «Найк», с подозрением глядя Натану в глаза, протянул руку:

– Таулан!

Натан, следом Руслан поздоровались с ним, затем с третьим, который был внешне очень похож на первого, но у него через всю левую щеку, от глаза до подбородка, тянулся шрам. Его звали Назир. Парни предложили ребятам присесть. Руслан стал болтать на дежурные темы, об учебе, о каких-то девушках.

Потом, понимая, что карачаевцы ждут вопрос, по которому он привел брата, Руслан принял серьезный вид и аккуратно начал говорить, обращаясь к Азрету:

– Азрет! Натан мой брат, и у него есть кое-какое дело, которое может вас заинтересовать... Но это сугубо между нами, как бы не вышло...

Азрет чуть улыбнулся:

– Тут все свои, Русик! Таулан, считай, тоже мой брат, не меньше, чем Назир! Говорите все как есть, отсюда это никуда не уйдет, я отвечаю!

Руслан повернулся к Натану, взглядом давая понять, что теперь его выход.

Натан спокойным голосом, как будто говорил про пирожные, просто сказал:

– Пацаны, ствол есть! Вам не нужен?

Карачаевцы обомлели от такого вопроса прямо в лоб, а Натан так же небрежно продолжил:

– Макаров с глушаком. Чистый.

Секунд пять все молчали.

Потом заговорил седой:

– Самопал? Переделанный?

Натан улыбнулся:

– Обижаешь, братан! Самый боевой, только из Чечни привезли!

– Почему? – спросил Азрет.

– Косарь зелени, – небрежно бросил Натан. – Можете подумать до завтра, проблем нет!

– Дорого, если честно! – хитро глядя Натану в глаза, сказал Таулан.

Не отводя глаз, Натан ответил с ухмылкой:

– В нашем магазине скидки только постоянным клиентам делают!

Переважив его слова, те трое громко рассмеялись. Натан с Русланом тоже поддержали их, но смех у них был наигранный.

Потом Азрет сказал:

– Если честно, вы, дагестанцы, конкретные пофигисты! Ты, братуха, про ствол говоришь, как будто на хычины²⁰ приглашаешь! Того нюх топтал, красавчик!

Натан с улыбкой ответил:

– Ну, мы же свои все, брат! Нам что ствол продать, что хычины кушать!

Они опять посмеялись.

Натан встал, протянул руку Азрету и дружелюбно сказал:

– Пойдем мы, брат! Короче, если надумаете, Руслану скажете. Я, если че, приеду, обсудим детали.

Все встали, Азрет крепко пожал Натану руку и ответил:

– Договорились! Увидимся!

²⁰ **Хычины** – тонкие лепешки с начинкой, национальное блюдо карачаевцев и балкарцев.

Евреи вышли и молча спустились на первый этаж.

В комнате Руслан наконец вздохнул с облегчением:

– Натан, я в шоке! Ну, ты выдал! Они отморозки редкостные, а ты с ними говорил так, будто они дети какие-то! Хорошо, они повелись на твои актерские заходы!

Натан улыбался:

– Братан, с такими прокатывает только так! Все нормально, не парься, они уже готовы! Сейчас только восемь часов, сегодня они к тебе зайдут и скажут, что согласны!

Руслан с издевкой сказал:

– Ну ты прям Нострадамус! С чего так уверен?

Натан подошел к двери и, ухмыльнувшись, ответил:

– Не знаю. Но ты, когда они зайдут, с автомата мне набери, я дома буду. Просто скажи, что все хорошо. Я завтра приеду вечером. Да, и еще... Сто баксов там твои!

Руслан с удивлением вскинул брови:

– Прекращай! С чего это вдруг? Я не при делах!

– Все хорошо! Мозг не выноси. Я дороже сказал, чем должен был.

– Да перестань, Натик, ты мне как брат! Че глупости говоришь?

– Вот именно! Давай, ладно, мне пора, – Натан ушел.

Примерно в половине двенадцатого ему позвонил Руслан.

– Натик!

– Я!

– Все хорошо! Тебя завтра ждут.

– Спасибо. Я не сомневался.

– Вот ты аферист... Ладно, давай, до завтра!

На следующий день на больший перемене Натан увел Шамиля из бара вниз и, усевшись за пустой стол, выдал ему расклад:

– Короче, Шама, слушай! Клиента я нашел.

– Ва! Красавчик! Отвечаю! – обрадовался Шамиль.

– Не шуми! Перетрем три момента! Смотри, никто не должен знать! Вообще никто! Это первое.

– Да я тебе за базар отвечаю!

– Второе, везти нужно будет следующим образом... Нужна русская телка или пацан, только надежный на все сто! Есть такой?

– Есть! Телка! Стопудовая! Из общаги Настя! Своя телка! Ствол у нее и лежит!

– Ты че, в общаге у телки ствол спрятал?! – ошарашенно спросил Натан.

– Ну да! А че, у пацанов оставлять? Вдруг шмон, мусора... – с обидой сказал Шамиль.

– Ну, хрен его знает, – Натан задумался, – может, внатуре так верней... Ладно, пусть Настя. Итак... Она везет ствол. Я пойду впереди, я черный, меня менты тормознут если, прописка у меня есть, пока проверять будут, она проскочит. Ее-то и так не остановят, но, чтоб вообще надежно было, сделаем так! Потом уже ты пойдешь.

– Да! Нормальный план!

– Теперь третье! Цена!

– Да пусть хоть шестьсот дадут! – перебил его Шамиль.

– Подожди! Я договорился на косарь и...

– Вот ты красава!

– Да дослушай же! – Натан нахмурился. – Сотню дадим моему кенту, который клиента подогнал, четыреста пятьдесят твои, двести пятьдесят мои, сто Насте и сотку на братву кинем, кайфанем, забухаем с пацанами! Как тебе такой расклад?

– От души, – улыбался Шамиль, – только не пойму, зачем телке сотку давать и почему у меня больше, чем у тебя? Я же сказал, по-братски пилим!

– Вот ты артист! Ты же за двести его купил?

– Ну да!

– Вот свои двести забираешь, а заработок делим! А телке лучше дать! Так она автоматически становится соучастницей и в случае чего попадает под статью! Так она нас не сдаст, понимаешь?

Шамиль еще шире улыбнулся:

– Вот ты внатуре, жи есть! Мозг! Как продумал четко! Да-а-а! Я согласен!

– Хорошо, значит, решено!

В семь вечера Натан вышел из метро «Беляево» и направился к автобусной остановке. Сзади, шагах в десяти от него, шла Настя – немного пухленькая блондинка с большой грудью и красивыми голубыми глазами, одетая в синие джинсы, сиреневую блузку и накинутую поверх ветровку, на ногах – кроссовки. Настя была веселой девушкой родом из Рязани, которая постоянно тусовалась с дагестанцами и стала уже своей в доску, разбиралась в их обычаях и понимала с полуслова. Она ни с кем не встречалась, но периодически Шамиль ночевал у нее в комнате. Она жила одна, на двенадцатом этаже. Что они там ночами делали, все догадывались, но делали вид, что не знают. За Настей, шагах в двадцати, топал Шамиль. Дойдя до комнаты Руслана, они по очереди зашли туда.

Настя сразу выдохнула:

– Уф! Ну, слава богу! Я уже извелась, пока доехала!

Натан улыбнулся:

– Молодец, Настюха! Исполнила как надо!

Она отдала ему пистолет, Натан засунул его за пояс и, посмотрев на Руслана, сказал:

– Пошли!

Дверь опять открыл Азрет:

– Салам, пацаны!

– Ва-а-лейкум салам! – пожав ему руку, Натан зашел в комнату.

Там, глядя в окно, стоял Таулан. Они поздоровались.

Натан нагло уселся на кровать и беспардонно спросил:

– Ну, че, братва? Я так понимаю, бабло у вас?

Таулан дерзко ухмыльнулся и задал встречный вопрос:

– А ты че, ствол привез?

Натан молча вытащил из-за пояса пистолет, передернул затвор и, повернув обоймой вперед, протянул Таулану со словами:

– На, брат! Глянь, он еще в масле. Новехонький!

Карачаевцы были в шоке, а Руслан стоял бледный как мел, лоб его покрылся испариной. Таулан аккуратно взял пистолет, снял обойму, передернул затвор и вытащил патрон.

Азрет с ухмылкой сказал Натану:

– Если честно, не знал бы, что ты дагестанец, подумал бы, что мент!

Потом, повернувшись к Таулану, что-то спросил у него на своем языке. Тот уже успел разобрать пистолет и теперь собирал его.

Азрет вытащил из кармана свернутые пополам доллары и отдал Натану:

– Спасибо, брат! Если еще есть, мы возьмем! Парочку! Но чтоб были чистые! На слово тебе верю!

Натан взял деньги, не пересчитывая, убрал в карман и протянул руку Азрету:

– Приятно иметь дело с правильными пацанами! Я дам знать, если еще будут!

На этом ребята вышли.

Они вернулись в комнату, где их ждали Шамиль с Настей, и Руслан сразу же накинулся на Натана:

– Ты больной!! Неужели нормально нельзя себя вести!? Я тебя просто не узнаю!!

– Да все же хорошо, че ты орешь? – ответил Натан, доставая деньги из кармана и пересчитывая их.

Шамиль стоял с озадаченным лицом и смотрел на Руслана, не зная, что думать и кого слушать. Чуть успокоившись, Руслан рассказал все как было.

Натан спокойно стал объяснять:

– Русик, пойми одну вещь, это люди, которым надо показать, что мы их не боимся, мы такие же, как они! Если бы мы там мямлили, сейчас были бы и без денег и без ствола.

– Да я бы поднялся, хребет им поломал! Кто нас кинет!? Всех дагов с ЦСКА подтянул бы! – затараторил Шамиль.

– Это все понятно, Шама! Но зачем до этого доводить? Можно же мирно все решить! – Натан довольно улыбался.

Тут впервые голос подала Настя:

– Так, ребят! Я, конечно, все понимаю... Вы поболтайте еще, если хотите, но я к себе поехала! Мою долю дайте!

– Да, конечно! Спасибо тебе еще раз! – Натан достал деньги, разделил между всеми, как и решили. То, что на братву, и долю Шамиля отдал ему, Насте протянул сотку.

Когда они уже прощались у метро, Шамиль сказал:

– Короче, завтра поляну пацанам накрою, через недельку я домой рвану, еще два ствола привезу.

Натан ответил просто:

– Там видно будет!

Он сел в поезд метро и задумался: что ему делать? Конечно, нужны были деньги, тем более канал уже был готов, нашлись покупатели, согласились продавцы, но... Натан дал себе слово не лезть больше в грязные дела, а они сами его нашли. Парень прекрасно понимал, что если даже повезет один раз, два, три... То на четвертый или десятый они попадутся.

Натан был очень осторожным и изворотливым и ни разу не попадал в милицию, но знал, что, если будет продолжать, рано или поздно влипнет, а, вытаскивать его из тюрьмы будет просто некому, поэтому и остановился. Они жили очень скромно, Ангела год назад вышла замуж и уехала с мужем в Пятигорск. Ему же с мамой много не нужно было, им хватало на жизнь и того, что давал ее отец, плюс какие-то сбережения и мелкие заработки у Натана были всегда. Но надо было платить за обучение! А это ни много ни мало две тысячи долларов в год. Родственники Натана были против его учебы, но он пошел в вуз наперекор всем! Теперь же попасть в историю с торговлей оружием означало бы потерпеть фиаско.

На следующий вечер Шамиль с Натаном пришли в комнату братьев Гамзата и Маги, им было двадцать два и двадцать три года. Они, как и Шамиль, были аварцами. Их двоюродный брат, олигарх Муслим Абдуллаев, устроил их в вуз, оплатив им обучение, и взял под свое крыло. Задачу он им поставил лишь одну – выучиться! А там обещал работу и красивую жизнь. Как и Натан, они учились на втором курсе. Мага был старше и имел кличку Майами, потому что мечтал уехать жить именно туда.

Еще в тот день к ним зашел их родственник, борец, который недавно стал чемпионом Европы и готовился выступить на чемпионате мира, его звали Гаджи. Борец был широкоплечий, с дерзким угловатым лицом. Он пришел со своим близким другом с тренировок, друга звали Алиасхаб, и выглядел тот еще страшнее, чем Гаджи. Тоже тяжеловес со сломанными ушами и немного кривой улыбкой. Лицо его украшало несколько мелких шрамов. Эти парни вдвоем, наверное, могли расправиться как минимум с десятью соперниками их возраста. Но тут, в кругу своих земляков и родственников, спортсмены были дружелюбны и улыбались.

Шамиль тоже был борцом, но, после того как занял второе место на чемпионате России, бросил тренировки и теперь, как говорится, искал себя. Натан с первого дня видел, что «найти

себя» он сможет только в одной области. Но сейчас Шамиль с Натаном пришли в общагу с полными пакетами продуктов.

Мага с Гамзатом быстро накрыли стол. Несмотря на возраст, они были хозяева, а все остальные – гости. Борцы сначала отказывались пить спиртное, но потом сдались. Пришла Настя с подругами Мариной и Аней, и веселье развернулось на полную. Дагестанцы не говорили длинных тостов, как кабардинцы и осетины. Но слова «братство» и «вечная дружба» звучали часто. Натан много раз участвовал в подобных застольях и слышал такие разговоры. Но он прекрасно знал аварцев, эти люди в большинстве своем не любили лести, лживые речи им были чужды.

Под утро Шамиль ушел с Настей. Гаджи, только познакомившись, но уже успев наладить контакт с Мариной, отправился к ней. Алиасхаб уехал, а Натан пошел спать в соседнюю комнату – в блоке, где никто не жил, стояли две кровати. Перед тем как заснуть, несмотря на затуманенный алкоголем мозг, Натан прокрутил в голове все, что было сегодня сказано. Чтобы ничего не упустить, он все тщательно проанализировал и понял точно одно: это его друзья, пока не близкие, но их что-то свяжет крепким узлом. Это предчувствие не покидало его.

Через неделю Шамиль отбыл в Дагестан, в Хасавюрт. В город на границе с Чечней, где оружия было пруд пруди. Проблема в том, как его перевезти. Но ребята придумали безопасный вариант. В то время в Москву на Черкизовский рынок приезжали торговцы из регионов. Они катались на рейсовых автобусах, которые, как правило, не досматривали на постах. Могли проверить автобус из Хасавюрта в связи с близостью к Чечне, но автобусы из Махачкалы никто не проверял. Добраться из Хасавюрта в Махачкалу не проблема – всего девяносто километров на маршрутном такси. Дешево и быстро. Оружие в Дагестане в то время имели все. Шамилю нужно было только найти по сходной цене хорошие новые пистолеты и аккуратно привезти их.

Дальше все шло по плану Натана. Они с Настей встретят Шамиля на рынке и сразу на метро поедут в РУДН, где Натан заранее должен договориться обо всем. Все, в принципе, по той же схеме.

За неделю до отъезда Шамиля и пока его не было, Натан каждый день ходил в бар, потом сидел в общаге с дагестанцами. Он крепко сдружился с Магой Майами, тот оказался очень хорошим парнем, но учеба давалась ему с трудом, и Натан, чем мог, пытался ему помочь.

Через четыре дня после отъезда Шамиль позвонил Натану.

– Натан, салам, братуха!

– Ва-алейкум, Шама! Как дела? Нашел мне кассеты с песнями, что я просил?

Это был их пароль, на всякий случай.

– Да, брат! Нашел! Хорошая запись, чистая. Правда, дороговаты, но, я думаю, это же мелочь?

– Сколько стоят? Намного дороже, чем ты в тот раз привозил?

– Вполовину дороже! Не знаю, с чем это связано. Наверное, японцы, падлы, на свои кассеты цены подняли. Но это все равно дешево! – Шамиль по своему обыкновению громко засмеялся.

Натан ответил серьезно:

– Неважно, бери обе! Тут все равно такие не купить.

– Ага. Уже купил. Сегодня. Я послезавтра назад, вечером буду в аэропорту, на зеленом самолете полечу, по-моему ТУ-237.

Это тоже была шифровка. Натан понял, что он едет на автобусе зеленого цвета с номером 237, приедет вечером на рынок.

– Ну, хорошо, ждем тебя.

– Давай, братка, на связи.

На следующий день Натан поехал в РУДН и договорился с Азретом. Карачаевцы его встретили как своего давнего друга. Было видно, что они прониклись к нему уважением. Шамиль приехал, как и обещал, все прошло по плану.

Уже ночью они зашли в комнату Майами втроем – Натан, Шамиль и Настя, довольные и веселые. Мага не спал, Гамзата не было. Они сказали, что провернули кое-какое дело и заработали денег.

Натан достал выручку, сел на кровать и разложил купюры по стопкам.

– Итак, Шама, это твои шестьсот, которые ты вложил, и сто – траты на дорогу, Руслану я тоже дал сто, думаю, это было правильно, Настюх, твоя сотка. Тут, Шама, твои пятьсот и мои пятьсот. Майами, братан, тебе тоже сто за то, что разбудили! – с извиняющейся улыбкой сказал Натан.

Мага радостно ответил:

– Будите меня так почаще!

Все были довольны. Натан добавил денег к своей доле и оплатил семестр обучения. Карачаевцы больше не заказывали стволы, но, может, оно и к лучшему. Чуть заработали, и хватит.

Шел конец октября. Впереди маячила зимняя сессия, но Натан никак не мог собраться и начать учиться. Постоянные кайфушки с дагестанцами и гулянки с девчонками не давали войти в колею. Натан плотно общался с Шамилем и Магой Майами. Гаджи тоже оказался очень достойным парнем, правильным и благородным. Борец все чаще приезжал к ним, тем более он закрутил отношения с Мариной. Видно было, что он просто отдыхал от ежедневных изнурительных тренировок. Гаджи был спокойным и старался не лезть в конфликты, особенно в драки. Он как-то признался Натану, что не любит драться, потому что мало кто с ним может соперничать. Родом Гаджи был из Кизилюрта, но с семнадцати лет жил в Москве, в общежитии института физкультуры, где и учился на четвертом курсе.

Совсем другим был Шамиль. Полная противоположность Гаджи. Этот каждую неделю с кем-то бился. Он привык к уличным дракам, уличный бой служил ему своего рода допингом. В Махачкале Шамиль жил в районе, который назывался Пятый поселок, – пожалуй, самом известном районе города, прославившимся наличием блатных и большим количеством дворовых пацанов, которые слонялись по городу и непременно стояли друг за друга в чужих районах. Как говорят, противоположности притягиваются, и Гаджи с Шамилем крепко сдружились.

Натан постоянно чувствовал, что должно произойти что-то такое, после чего все изменится. И вот в один дождливый день Натан, Шамиль, Майами и осетин по имени Чермен сидели в баре, играли в джокер пара на пару. Завязался спор, и они договорились сыграть в общаге решающую партию. Кто проигрывает, тот проставляется. Мага и Чермен ушли в общагу, а у Натана была еще одна пара. Шамиль сказал, что подождет Натана, а пока посидит, поболтает с чеченцами. Они договорились встретиться после пары у выхода из поточного корпуса.

Когда до конца пары оставалось минут десять, Шамиль пошел в поточный корпус, чтобы покурить на свежем воздухе. Он недавно начал курить и делал это редко, но тут ему захотелось. Шамиль стрельнул у кого-то сигарету, вышел на улицу и прикурил у проходящего мимо студента, стоял, ждал Натана. Метрах в десяти от него остановился «БМВ», и из него вышел высокий накаченный парень лет тридцати. У него была короткая стрижка, наглые серые глаза, и видно было, что он очень сильный и уверенный в себе. Одет он был в серые джинсы и короткую черную кожаную куртку поверх серого джемпера. На ногах были дорогие тупоносые туфли, на руке красовался огромный золотой браслет, под мышкой парень держал барсетку. Он вышел и, крутя в руке брелок с ключами от машины, вальяжно, вперевалку пошел ко входу в корпус. По его виду было понятно, что это бандит, так называемый браток, которых в Москве в те годы было очень много.

Шамиль в упор смотрел на него, не понимая, что этому быку здесь может быть нужно, и, как истинный уличный боец и спортсмен, оценивал его физические данные. По походке видно было сразу, что он борец, но раз уши целые, то, скорее всего, дзюдоист. Людей вокруг было мало – два пацана первокурсника болтали в стороне и три девушки, стоя на крыльце, застегивали куртки. Шел дождик, и уже начинало темнеть, часы показывали половину шестого.

Бандит остановился в двух метрах от Шамиля и огляделся вокруг, потом, посмотрев на него, небрежно бросил:

– Слышь, студент! Урок закончился?

Шамиль продолжал в упор смотреть на него, думая, как лучше отреагировать. Варианта у него в голове крутилось всего два: сразу ударить кулаком в нос или сначала сказать, что через «слышь» пусть со своими друзьями разговаривает.

Пока он думал, браток удивленно вскинул брови и, ухмыльнувшись, спросил:

– Ты че, глухой, вафел? Че уставился?

Шамиль был ошарашен и повел себя несвойственным для него образом, он вступил в перепалку:

– Вафел ты сам, чертила! Че, в репу давно не получал, олень?

Бандит удивился и почему-то обрадовался, то ли услышав нерусский акцент, то ли не ожидая, что с такой дружелюбной внешностью можно так дерзить, но, подойдя ближе, спокойным голосом сказал:

– Дурачок! Я ж тебя сейчас на части разделаю, потом своим в Люберцы скину, чтоб на фарш прокрутили...

В этот момент четкий удар Шамиля пришелся ему прямо в глаз. Но люберецкий, видно, имел опыт и, мгновенно бросив барсетку и ключи, уже стоял в стойке, готовый к драке, приговаривая:

– Ну ты попал, щенок...

Шамиль ничего не ответил, он просто начал наносить красивые четкие удары. От некоторых соперник умело уворачивался и наносил ответные. Шамиль воспользовался случаем и сделал люберецкому проход в ноги, тот хотел вывернуться, но Шамиль оказался сзади него, обхватил бандита за пояс и попытался бросить через себя назад.

В этот момент из дверей вышел Натан. Он сразу понял, что произошло, и был готов помочь Шамилю, если потребуется.

Соперник же Шамиля каким-то фантастическим приемом сумел развернуться к Шамилю лицом и со всего маху ударил его лбом в нос. Шамиль даже начал теряться, удар был сильный, а нос – явно сломан. Но бандит не стал больше его бить, злой как собака, с окровавленным глазом, он вытащил из-за пояса пистолет, передернул затвор и направил его на Шамиля.

Все происходило очень быстро. Натан оценил ситуацию. Как у многих дагестанцев, у него всегда был в кармане выкидной нож. Он его носил с собой, и пару раз случалось доставать нож в потасовках, чтоб напугать, после чего свалка моментально заканчивалась. Тут было ясно, что продолжать драку бесполезно – тип был очень силен, даже Шамиля смог нейтрализовать. Натан не хотел этого делать, но выхода другого не было. Поняв, что Шамиля сейчас просто убьют, он, будучи как во сне, сказал себе: «Да иди оно все!.. Бог поможет!» Подлетел сбоку и в тот момент, когда должен был прогреметь выстрел, воткнул нож прямо в живот этому демону с пистолетом.

Нож вошел как в сливочное масло. Натан и не понял, воткнул или нет. Вытащив нож, он увидел перед собой дуло пистолета и бешеные глаза этого зверя, один из которых был залит кровью. Тут то ли от страха, то ли еще от чего, Натан воткнул нож в живот еще раз, потом третий...

Он смотрел в глаза бандиту, и семнадцатилетнему студенту было обидно, что непонятно из-за кого и наверняка без явной причины его жизнь летит в пропасть... Из-за того, что он

отнимает жизнь у этого идиота! Но в эту секунду он почему-то вспомнил отца, который всегда ему говорил, что в любой ситуации надо быть настоящим мужчиной. Натан сейчас поступил как мужчина! Но правильно ли это? Черт его знает! Может, надо было просто смотреть, как убивают Шамиля? Он сам был бы виноват в этом! Но как потом с этим жить? А вдруг Шамиль не умер бы? Тогда никто бы не умер! А теперь Натана могут посадить надолго...

Шамиль пришел в себя и схватил его:

– Бежим, быстрее!

Натан отбросил от себя обмякшее тело бандита, и они пулей побежали в общагу. Вокруг уже стояло немало народу.

Подбежав к общаге, они остановились.

Шамиль посмотрел на Натана:

– Что делать? Затыримся в общаге?

Натан, секунду поразмыслив, ответил:

– С одной стороны, нас по горячим следам найдут, с другой, начнут шмон, и пацаны могут сказать, что ждали нас, они же не в курсе... Надо их предупредить, потом валить отсюда! Через десять минут здесь будет мусоров куча.

– Давай тогда так! Я на русака похож, незаметно прошмыгну, Магу вытяну из комнаты, скажу ему все.

– А Чермен? Ему тоже скажешь? – нервно спросил Натан.

– Не... Хотя Чермен нормальный парень! Он кударец, они дерзили тоже, кстати, еще какие!

– Базара нет, он хороший парень! Но мусора так могут разговорить, что он спалится! Нам Настя нужна! – у Натана сверкнули глаза, видимо ему пришла в голову идея. – Смотри сюда! Ты идешь к Насте и говоришь ей вот что: она видела тебя в баре, ты вытащил меня с пары, и мы уехали с тобой в роддом, потому что твоя сеструха родила! Она же беременная?

– Она на шестом месяце! И откуда я узнал?

– Про месяц никто не знает! А узнал... На пейджер зять прислал сообщение! Все! Бегом давай! И перо возьми, пусть спрячет у себя. Завтра выкинем в какой-нибудь пруд!

Шамиль все сделал, и они побежали к метро. С этой стороны не был виден вход в поточный корпус, и они не знали, что там происходит. Им нужно было проехать семь станций. Сначала ехали молча. Натан погрузился в мысли. Он держал руки в карманах куртки, но чувствовал, как они трясутся. Как он мог такое сделать? Натан был жутко зол на Шамиля. Ему даже не интересно было, из-за чего произошла драка, он был уверен, что по глупости. Теперь он убийца! Отец бы сказал, что он молодец и поступил по-мужски! Но правильно ли учил его отец? Если он был такой умный и все делал правильно, почему тогда его убили, а его дети остались без денег и поддержки? Значит, все его рассуждения были чушью? А может, не все?..

Его мысли оборвал Шамиль:

– Натан! Спасибо!

Натан молчал.

– Ты мне жизнь спас! Брат!

Натан подумал: «Тебе-то спас, а свою испоганил!» Он посмотрел Шамилю в глаза и в этот момент прочитал в них не просто благодарность, а настоящую братскую любовь и преданность.

– Из-за чего кипиш-то был?

– Да не из-за чего! Он сам наехал на меня... Ну, я и втащил ему... А он, сука, внатуре машина оказался! Дзюдоист, судя по приемам.

– Да... Я и не думал, что тебя может кто-то почти выстегнуть! – Натан улыбнулся.

Шамиль в ответ тоже:

– Ну да, ему почти удалось!

Натан резко сказал:

– Надо валить в Махачкалу!

Шамиль ждал этого и ответил сразу:

– Это по-любому! Автобус уходит в девять с Черкизона.

Поезд уже подъезжал к станции, где им нужно было расходиться.

– Встречаемся там в восемь тридцать! – Натан встал, повернулся и пошел к двери.

Натан и раньше бывал в Махачкале, но друзей у него там не было. Когда-то жили родственники, но они давно уехали в Израиль. У Шамиля была большая четырехкомнатная квартира. Отец его умер шесть лет назад от инсульта, старшая сестра жила в Москве. Мать работала в продуктовом магазине администратором. Хозяин магазина был ее двоюродный брат, так что ее там не обижали и платили неплохо.

Когда они приехали домой, Шамиль первым делом показал Натану свою небольшую коллекцию оружия: три пистолета, револьвер, ТТ, Стечкин и одну винтовку с глушителем, как у киллеров в кино. Арсенал он хранил в шкафу на балконе. Шамиль взял один пистолет, вынул руку на улицу и три раза выстрелил вверх. Звук был достаточно громкий.

Натан удивился:

– Зачем? Вдруг попадешь по кому-нибудь!?

– Да не попаду! – гордо сказал Шамиль. – У меня коробка целая холостых, на свадьбу кента купил, думал, постреляем, а он перед свадьбой в отказ пошел! Но боевые тоже есть! Пойдем во двор, с пацанами познакомлю тебя.

Двор представлял собой что-то вроде небольшого сквера внутри девятиэтажных домов. По углам были расположены четыре площадки. Одна детская, там были качели, песочница и две лавочки, на ней, очевидно, собирались мамочки с детьми, но вечером там никого не было. На второй стояли две скамейки без спинок и столик между ними, на этих лавках сидели взрослые мужчины и деды, двое из которых играли в нарды, пятеро других следили за игрой. Третья площадка не имела лавок и скамеек, там были только два турника, брусья и длинное бревно, которое заменяло скамью. На бревне сидели трое молодых ребят лет тринадцати-четырнадцати, четвертый подтягивался на турнике. Судя по всему, они играли в «лесенку», по очереди подтягивались, начиная с одного раза, потом по два и так далее, прибавляя по одному разу.

Четвертая площадка, метрах в десяти от турников, была на своеобразной полянке, там стояли буквой Г три лавочки со спинками, а напротив длинной стороны лежало бревно, заменяющее скамейку. Натан с Шамилем шли туда. Там сидели пятеро пацанов. Самому младшему на вид было лет шестнадцать, старшему – двадцать семь. Шамиль познакомил их с Натаном. Ребята были все уважительные и с юмором, постоянно друг друга подкалывали и смеялись все вместе. Натан молчал, когда смеялись – улыбался, что-то рассказывали – слушал. Он пока просто присматривался к ним, не зная, сколько времени ему придется провести в Махачкале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.